

СОРОКИН НИКОЛАЙ

ГРОМОСВЕТ

18+

Николай Максимович Сорокин

Громосвет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68822643

SelfPub; 2023

Аннотация

Открывающая часть работ о Сторонах и Виртуальности мира "Эльфийской кулинарии", "Коммунмаркетполиса" и "Беспредельного тупняка". Гармоничный синкретизм, вытекающий в структуру сюрреалистичного городского фэнтези, в синтезе затрагиваемых авторским слогом вопросов о ценности воображаемого, что в конечном итоге сами найдут в себе самоцель истории Громосвета, запустившего неостановимый механизм деконструкции дорогих ему Миров.

Содержание

Сошествие в Себя	4
Полыхание виртуальных эмульсий	61
Кленовый эчпочмак	61
Мускатное варенье	70
В пределах ангельского кода	80

Николай Сорокин

Громосвет

Сошествие в Себя

– Вам помочь чем-нибудь?

– Нет, спасибо.

Бедный консультант, если бы он только знал, если бы знал он что мне нужно, он и не посмел задать такой вопрос. Мне нужны были ответы, невысказанные, непонятные мне самому, я даже не знал как правильно задать вопрос и чего именно я хочу, но я чувствовал, а потому и верил, что я в правильном месте.

Я пришел сюда из последней надежды, и интернет, извечно-доступный интернет, не мог дать мне характерного, именно чувственного знания, я не верил ни единому исследовательскому слову, ни единому совету анонима, ни единому оккультисту-теоретику.

Этот чудаковатый, даже по американски выстроенный магазин стоял скрытой тенью в одном из первоэтажных пролётов районной новостройки. О нём ни раньше, ни после упомянутых событий не слышал никто, он продержался всего год, и теперь, в крайние дни его работы, в нём оказался я.

– А когда вы закроетесь? – спросил я у отвернувшегося

консультанта.

– На следующей неделе. Мы вроде бы даже переезжаем, но только к следующему году возобновим работу.

– Невыгодно?

– Да как сказать... Мы узкопрофильные, а к нам всё тянутся за “Манчкином” и “Монополиями”.

– Не собираетесь торговать из принципа?

– Да, политика у нас такая – не продавать попсу.

Я смотрел ему в глаза, а он, отворачивая их в сторону книжных стеллажей, ушёл разносить остатки настольных игр, что лежали у него в руках.

– Как к вам можно обратиться? – спросил я у согнутой спины консультанта.

– Федр.

– Федр. – обозначительно сказал я. – Вы действительно можете мне помочь, но не то чтобы по теме.

– Да, хорошо, тут без разницы.

– Федр, мне нужен ответ. Вот вы играли в “Героев”?

– Ну да, единички, выход один-семь-один.

Это радовало.

– В детстве моя мама играла в них когда я ложился спать. – продолжал я. – Получалось что-то вроде сказки, учитывая, тем более, ту проделанную работу над дизайном и музыкой.

Консультант на этом моменте одобрительно кивнул. Я продолжил:

– Не хотелось ли вам, стоило вам повзрослеть, сделать

нечто похожее?

– Вы имеете в виду собственную игру?

– Нет, не совсем. Игра из “Героев” такая себе.

– За такое в рожи бьют. – Федр уже забыл про свои обязанности, выдав в себе глухого фаната.

– Да не, ну не об этом сейчас речь. Я вообще мало уважаю игры.

– Тогда о чём мы разговариваем?

– Я вот что хочу узнать: мы же понимаем, что по факту мы рассуждаем о таком мире, который некоторые называют “выдуманным”?

– Ну обыкновенно те, кто так этот мир понимают, очевидно, сюда не заходят.

– Вот, а если этот мир “выдуман”, а также “выдуман” и какой-то другой мир, то почему мы не можем на почве этого качественного подобия их соединить?

Услышав этот вопрос Федр поднялся, не убрав на отвёртку для этого полку последнюю настольную игру в его худых руках.

– Ну не стоит говорить именно о “выдуманном”. Выдумать можно вообще всё что угодно, от секс-инструкторства и марафона желаний до целой альтернативной истории. А вот почему мы выбираем тот, а не иной выдуманный мир, то уже зависит от нашего спроса с того, что мы хотим услышать.

– Уважаемый Федр. – Я произвёл ещё более значительную опору в голосе на имя консультанта. – Я не спрашиваю у вас

как у продавца. Интерес мой именно в том, что даже на почве спроса, за которым может стоять множество первопричин, мы имеем дело с некоторой традицией. Она ответственна и за литературу, и за музыку, и за живопись, и за игры, и она, конечно, отвечает потребностям, но она же может существовать и без выбора форм удовлетворения. В смысле, что если мы уберём разграничение из нескольких “удовлетворяющих” вселенных, то те в причине собственной конфликтности уберут коммерческую цельность и вступят на путь противоборства друг с другом.

– Если всё так и есть, то этот бизнес прогорел бы в разы быстрее. Если сейчас идёт речь о том, что вы хотите объединить весь этот магазин в единую вселенную, или по крайней мере найти к ней ключ, то тогда вы создадите просто другую игру на продажу.

– Мне не столько про это хотелось утвердить, ведь при соединении несоединимого получится просто бессмыслица, что пожрёт своей хаотичной пастью и автора, и всю традицию в целом. Я скорее про то, верите ли вы в тот мир, что своей силой стоит в основе всего ценного для нас с вами как первопричину, а не как автономные объекты, удовлетворяющие праздные интересы в критические дни?

– Я не знаю, в этом смысле я вообще агностик. Но если рассуждать о фэнтези как о том, что удовлетворяет потребности по своей природе, то, наверное, война будет самым фэнтезийным, что только может нам предложить наш мир.

Если так, то именно война есть дорогая для вас традиция. Тогда я вам отвечу “нет”, а именно – мне бы не хотелось в подростковом возрасте основывать, или хотя бы участвовать в войне.

– “Ну и душнила.” – подумал я, выходя из магазина.

Значит война... Когда покидаешь городскую черту даже на сутки, особенно с выпивкой, ложаешься спать к четырём утра чтобы проснуться к девяти, открываешь глаза и чувствуешь, что ты дикарь. Хочешь – воруй, хочешь – дерись, а после беги в лес и живи еще сутки, а после кочуй, ищи места, продолжай приключения. По своему обыкновению это желание искореняется на второй день в палаточном лагере, или сразу же, стоит выйти из леса в цивилизацию. Но вот чувство, это чувство дикости, чувство, что теперь ты можешь ходить в чём угодно и сколь много выражать своё мнение на людях, и знание, что с потерей этого чувства, с повторным обретением мягкости в сердце, достаточно снова уйти в лес на ночёвку, пережить дождь, грязь, или духоту и комаров, или снег и экстремальный минус, и вернуться в мир человеком. Но вот если весна, если тонны воды, нескончаемый потоп, просто болото на продолжительные два, а то и три месяца – это далеко не дикость, – это война. И в эту войну ты начинаешь жить на дереве, и в эту войну ты мастеришь лодку, и в эту войну не сунется ни один рядовой служитель закона; в этой войне ты сам другой... А другие смыслы, – продолжал я про

себя. – разве это не есть то самое, что формирует фэнтезийный канон? Ведь если думать, что существует народ, который по лесу передвигается на лодках, то не значит ли это, что я рассматриваю не отдельную человеческую культуру, а целый иной мир, в котором может существовать человек? Просто он не существует здесь, со мной, так как для этого нет нужных предпосылок, чего-то такого, что превратит эту войну в естественную модель существования.

– Ты долго думаешь. – раздалось справа от меня. Я повернулся. Со мной, не прекращая шаг, четко нога в ногу шел вдоль улицы Репей. – Я уже с минуту как иду рядом.

– Прости, братец.

– Ты всё о своём? О городах и драконах?

– Мне тут умные люди сказали, что война формирует иномирие.

– Ну это не удивительно, классики постоянно в этой войне варились.

– Да не, дело не в истории, травмах и влиянии. Когда одни пережили войну и свою травму выразили в книгах, а другие, что пережили не только войну, но и в принципе конфликты, даже самые мелочные, эти книги читают – это мне как раз понятно в причинах спроса. Концепция ухода от мира – тема изъезженная, мне одних ролевиков с реконструкторами хватает, насквозь их вижу. Тут оказывается дело в ином: эстетическая выдуманность образов на деле только иллюзия, скрытая в проблеме потребления.

– В каком смысле?

– В смысле, что война – это действительно мир, а в нём процветают все народы, образы и эти самые “смыслы”.

– Радикально звучит.

– Это ещё полбеды. Ты как музыкант мне ответь, ты нахера используешь в обложках релизов фэнтези тематику?

– Ну я как бы играю о чём хочу, и это полноценно подходит под эстетизм.

– Тебе не кажется, что музыка вообще не должна обладать сопровождающими её изображениями?

– Я понимаю к чему ты клонишь: музыку ты чувствуешь как объёмное пространство, а обложки всё-таки рисованные, их не прочувствовать. Что максимум – это понимать обложку как симулякр.

– Тут ты верно мыслишь. Если обложка как символ – это “о чём”, а обложка как симулякр – это претендент на “реальность”, но нечто должно стоять и за пределами обложек!

– Собственно – это то самое пространство, о котором я и играю?

– Причём им же, ты же всё таки чему-то подражаешь, иначе как ты можешь давать трекам названия.

– Ну.

– А то и ну, что в пределах одного канонического жанра что бы ты ни назвал, а всё равно это самое не будет противоречить другим таким же как и ты.

Многозначительно-поднятый палец вверх спровоцировал

Репея развить наш разговор в русло надвигающегося первого Января, и так, перетекая в повседневность, мы дошли до его квартиры.

Я втиснулся в разговор бесцеремонно:

– Господа, вот вы верите в деда Мороза?

– Оооой, многоуважаемый, не верится что-то.

– Дааа, вам вот, сударь, с чего интересоваться такими вопросами?

Все парни меня знали, – это обыкновенное дело – прервать скучнейший разговор, стриггерившись на такое слово, о котором никто и не думает, что оно провокационно. Но в такой теме как “дед Мороз” словом-триггером может являться всё что угодно. Однако на этот раз предмет разговора был мне известен заранее.

– Вот ёлку у нас установили в России на немецкий манер, – начал я. – однако в деревнях ёлку сажали на местах упокоенных, то есть где трупы, могилы, все дела. Вот, и получалось впоследствии такое альтернативное кладбище для бедных, чистый еловый лес. Ёлка в этом смысле символизировала вечную жизнь, ну, в христианском ключе. Да, и мне налейте. – На минуту мой разговор прервался, но опустив пустой стакан обратно на стол я неминуемо продолжил. – Вот, ель – фигура надгробная, деда Мороза мы призываем как? Становимся в хоровод, поем церемониальные песни, все дела. Мне же не нужно рассказывать за символизм хоро-

вода? Нет? – я не акцентировал на своей фигуре полноценного внимания. Двухкомнатная квартира была забита, вроде как, пятнадцатью лицами мне знакомых, преимущественно – друзей, которым я всегда, будь на то реальная необходимость, мог бы рассказать всё, что рассказываю и сейчас, однако текущие обстоятельства мою полемику оформили в русло увеселительного застольного разговора, а потому внимание к нему хоть и было, но было оно рассеянным. Следовательно, даже если никто и не знал о символизме хоровада, никому и не требовалось его объяснять, чай не лекция. – Ну вот, значит солярная сила от лица коллектива активна у некоторого надгробия, чтобы пришел дед Мороз. Вы слушали Бурзум?

– Только не говори что ты сейчас собираешься нам его поставить.

– Да не. Автор его, Луи, выпускал статьи разного толка и степени научности, и как-то он описывал, что человек, который разрывает могилу своего предка в четвертом-пятом колене, тем самым претендуя на имущество с ним закопаным, забирая, например, меч, получал меч выкованный “дворфом”. Понятно, что идёт речь о Скандинавии, но сам факт того, что ты не воруюшь из могилы собственной родни, что аморально, а получаешь некоторое дворфийское сокровище, уже нет-нет да обращает своё внимание на интересную семейную установку. Тут, брат, мы вспоминаем Проппа с его идеей об общем праиндоевропейском мифе, который отра-

жён во всех народных сказках, по крайней мере Европы, и получаем, что дед Мороз – это общий первопредок, дворф, хранитель рода, на чьё, а то есть свое, то есть семейное наследие мы претендуем по нужде. Потому, хоть подарки и дарит семья, его дарит общий первопредок, то есть дед Мороз.

– Наверяд ли сталинский новодел был создан именно таким.

– Нет, понятно, что здесь дед Мороз имеет гораздо большее с национал-социализмом, чем со сталинским большевизмом, даже по факту строится на гитлеризме и неоязычестве, то есть фёлькише, а не пустом хотении отмечать нехристианскую новогоднюю, а не рождественскую ёлку. Только вот это самое “пустое”, сопровождается не только неистовым саммонингом. Вот что такое “тост”?

Раздался хохот.

– Это он сейчас так выпить предложил.

– Да наливай, только это второй слой, я всё-таки серьёзно. Тост, как ни крути, застольный ритуал, причём магический. Тут хочешь- не хочешь, а признать это придётся хотя бы потому, что морфология у магии такая: заклинание, что читать следует как “пожелание”, ритуал, что можно усмотреть во вставании с мест, чоканье, чоканьи?, рядах табу, например, что пустую бутылку на стол не ставят, или вот поднял рюмку – не смей возвращать пока не выпил, ну и миф. С мифом тут сложнее: можно говорить о поводе, то есть празднике, который даёт силу твоим заклинаниям, ведь не будешь

же ты желать счастья-здоровья и любви в, например, день независимости. Кстати, выпьем.

– Давайте, мужички, за деда Мороза.

Моё молчание продлилось в разы дольше, наверное, минуты на три, так как парни после накатившего пошли покурить на балкон, а я, за неимением такой зависимости, пользуясь случаем пошёл в туалет.

– Ну так и вот. – Снова раздался смех. – Магия, особенно если она новогодняя, с фигурой деда Мороза не будет работать, если мы в него не верим, то есть тут загадывай желания – не загадывай, а если дед Мороз – краснопузая пустышка для детей, то в новый год следует собираться по случаю какому-нибудь другому, например, если мы будем расценивать сам год как авторитет, то есть если будем отмечать новый год в пределах года какого-то, например, года кролика, то тут уже вопрос сугубо о том, как этот звёздный кролик может быть авторитетом для магии.

– А если мы в магию не верим?

– Репей, рад что присоединился. Тут ты должен понять, что хочешь ты верить в магию или нет, а формула её есть формула даже если ты её не осознаешь. Магия, в чисто-антропологическом смысле, это то, что находится даже не в культурном коде, а в самой жизни. Я же уже рассказывал про магическое мышление у животных, про кошку свою, что мышку игрушечную несёт под дверь когда я ухожу из дома, и которую никогда при мне не носила под дверь если я нику-

да не уходил. Между нами разница только в самом наличии культуры, но и тут у неё всё как у людей: хозяин ушел – это миф, приносит игрушечную мышку – это ритуал, причина, по которой она её принесла – заклинание, а чего именно она хочет, в смысле, чтобы я поскорее пришел или более не возвращался – мне неизвестно, как и то, каким именно способом она это заклинание произносит, если вообще произносит, хотя бы в своих мыслях. В этом смысле магия везде там, где хотя бы есть домашняя кошка, то есть в смысле, что в любом сеттинге, будь он стимпанк, киберпанк, дизельпанк или обыкновенное фэнтези.

– Тогда что есть “мана”?

– “Мана” – это всё равно что дед Мороз, просто “мана” старается взять в себе всю дед-морозовость мира и сделать её основной силой, первопричиной мира так сказать. Мана – это такая связь между автором, его миром и способом его выразить, а по факту- условность существования мира. Авторы, что дорожат авторитетом их произведения, вместо “маны” развивают собственную мифологическую диалектику. Тот же, прости Господи, Толкин, с его Сильмариллионом.

– Ты мне потом это, поутру повтори, я сейчас один хрен ничего не запомню.

– И не нужно, братец, ты всё равно технарь. Давай лучше накатим.

– Давай. Только тебе это тогда зачем?

– Кроме деда Мороза? – я снова наполнил прозрачный

стакан.

– Да, кроме фашистского деда Мороза.

– Ищу отличие между выдуманным и реальным.

– Удачи, чё. Будем.

– Вот ты знал, что можно быть православным сатанистом?

– Дядь, ну гонишь!

Мы шли вместе с Кедром до ближайшего магазина молча первые минут десять, и только подходя ко входу мною решительно было предпринято завязать тему для разговора. Признаюсь, я не уважаю разговаривать, во-первых, при посторонних, а во-вторых, если разговор прерывается бакалейной суетой выбора. Поэтому было известно, что тему я не продолжу до тех пор, пока мы не выйдем из магазина. Впрочем я ошибся, так как мой рот стал открыт буквально через минуту, когда я убедился, что обстоятельства позволяют продолжить, за неимением посетителей, разговор.

– Давай сузим поиск. Христианский Бог есть в каждой церкви?

– Ну как объект почитания, думаю, в каждой.

– А в каждой христианской церкви есть ритуалы?

– Таинства? Да вроде есть в каждой, но они отличаются формами и количеством.

– Значит Бог есть в церкви вне зависимости от количества ритуалов и форм их проведения?

– Ну положим.

– Значит, если понимать, что вера в любом случае проистекает в Троицу, то Троица есть даже там, где её нет. Например у лютеран нет таинства венчания, а у православных есть, а значит Троица есть в венчании даже учитывая, что у лютеран венчания нет.

– Так, и что из этого?

– Получается, что Троица проистекает в ритуалах, а не в повседневном. Бери шесть полторашек. Да, шесть. Водки мало, бери ещё. Ещё дошиков взять нужно, Репей просил. Вот, получается, что в первом случае Троица приходит как бы в сконструированном ритуале, в то время как её нет там, где и нет ритуала венчания. Я понимаю, что Троица как бы есть везде, только в ритуалах она ещё и проистекает конкретно в Богоугодном действии, то есть ритуале. Бери с курицей и креветками. А дальше лучше: католики опустили крайние строчки молитвы “Отче наш” в своём оригинальном переводе на латынь, а молитву эту сам Христос по Писанию произносил. Католики проиграли лютеранам, признав, что те могут не ставить Папу Римского сам знаешь во что, а лютеране отрицают таинства и почитают Библию как авторитет, которая при этом эти самые таинства и утверждает. В общем получается, что там даже внутри, чисто логически западный образец церкви не вывозит. А я даже не теолог.

– У тебя денег как всегда?

– Да, сам знаешь. Я тебе помогу донести.

– Да уж будет. И чё там?

– Ну так и вот, Мистерии Грааля строятся на том, как католики на гностиков из Прованса походами крестовыми ходили, но то всё не имеет никакого значения, если Лютер добился своего. Вот, а в православной традиции никому вообще не нужно постигать разумом, например, в какой момент литургии Святой Дух нисходит на Святые Дары для евхаристии, чисто мистицизм. А Святой Дух – это прежде всего Истина, абсолютное знание, смекаешь. Сиги ещё парни просили, помнишь. И ладно, что церковь имеет достаточное количество ритуалов непостижимых. Сама молитва “Отче Наш” – калька с египетской “молитвы слепца”, как-то она так называется.

– Сатаназим-то где?

– Я и не помню толком. Знаю, что грех – это не табу, а данность в человеке, духовный поиск – противостояние человечности. Да даже не так – ты если не знаешь во что ты веришь, то ты и не веришь, а только что и поклоняешься идолам, сотворил себе кумира из Христа и лбы расшибаешь. В этом смысле Христос есть Сатана, так как на него хулишь в него не веря. А верить в него можно если ты знаешь свою Веру, шарить, Святой Дух. А для этого ты должен уходить в теолога или богослова, так как даже Символ Веры навряд ли тебе своим догматизмом объяснит что-то. Вот ты будешь знать эти догмы, а верить в них как?

– На то церковь и существует, разве нет, чтобы за тебя думали, а ты знай себе ходил не ведая?

– Это получается тогда, что Святой Дух работает автоматически, типо даже если ты не знаешь, то всё равно знаешь. Благодать, которая действует сама собой – профанация таинства, вроде от Блаженного Августина. Но ты можешь сказать, что ты знаешь ядерную физику?

– Только если интуитивно.

– Я к тому клоню, что в этом самом смысле Бог проистекает в религиозных мистериях даже когда ты ничего о них не знаешь, так как всё происходит автоматически. Это прикинь, исповедоваться на языке синдарин – священник всё равно свидетель, ему главное засвидетельствовать исповедь, а вот понял он её или нет – не важно, так как главное, что и ты искренен, и Бог прощает. Так же и ты, ничерта не знаешь что там за процессия, кто там как ошибается или всё делает как положено, ты только и свидетельствуешь, мол, вот, они там делают что-то, служат, а один хрен непонятно, правда-ли таинство, или цирк. А главное, что в любом случае всё автоматически работает, и никакого Святага Духа. Здесь скользко. В общем если ты не веришь, что можно ничего не знать и быть в теме, тогда мы вообще должны отрицать попов, богословов и теологов, так как и без них всё в таинствах хорошо работает. Если же мы в такой автоматизм не верим, то мы как бы не в церкви, раз не признаём авторитет авторитетов, а потому свободны в своих суждениях и поисках. А так как хула – грех непростительный, то в пределах православной диалектики мы обречены. А раз мы обречены – мы уже

среди лютеран отрицаем таинство исповеди и только и наде- емся на прощение.

– Тебе же наверняка возразят, любой поп всё подробно объяснит за организацию.

– Херня, в его словах не будет Истины, так как объяс- нять-то мне он будет не в пределах таинства. Это и забав- но, что в церкви нет таинства учения. Проповедь – есть, но проповедь – догматизм мифологии, а не её онтологизм. Ведь обручиться – дело такое же институцированное, как и обу- читься – выстраиваешь себе отношения, учишься, а по за- вершению переступаешь через некоторый инициатический ритуал, и вуаля. Только вот молитва тоже дело такое, повсе- дневное, но оно религиознее, чем обучение, которое строит- ся на одной из трёх божественных ипостасей. Дело странное. А вот почему православным сатанистом на этой почве быть именно можно, то подумай сам, не хочу я за столом за рели- гию.

Дверь не захлопнулась громко, но сидящая на кухне ком- пания незамедлительно среагировала, выйдя к нам с Ке- дром навстречу и забрав пакеты, пока мы стояли в прихожей, учтиво уступая друг другу возможность снять обувь. Музыка продолжала громко играть из компьютерных колонок, туа- лет, ожидаемо, был занят одной из перепивших девушек, ко- торую видел я сегодня впервые, а в солидарность с ней, в ван- ной, раковина была занята таким же перепившим парнем.

Они были одноклассниками, и вроде как даже состоят в отношениях – об этом я не знал наверняка, но свидетельство, что те старались держаться друг друга даже если поступало обращение, например, покурить, но кому-то одному, утверждало именно об этом.

Застолье плавно перерастало в попойку, и как то и бывает, некогда-разграниченная компания из разношерстных, между собой перетекающих групп объединилась в один большой, как мы это называем, “король и шут”. Только двое непьющих человек, а именно Репей и Росль, сидели себе в отдельной комнате и играли по смертям в КС. Здесь их никто не осуждал; все понимали, что трезвое участие в алкоугаре дело Богопротивное, а новый год в таких условиях все равно конструктивнее не отметить. Да и право, лучше пусть телевизор будет отображать игру, чем “голубые огоньки”, или, не дай Бог, президентское обращение.

Истории, конечно, моё почтение. Истории, – всё равно что собственный музыкальный плейлист – если не договориться, что каждому даётся час на демонстрацию тех хотений, которые непременно возникнут как пожелание к застолью, что в любом случае, кто бы чего ни хотел, однозначно добавят ещё большей нелепости к происходящему, то всё пространство вообще станет одним большим соревнованием по перетягиванию каната. Но ведь не договориться заранее. Песня, она как анекдот, – к месту заходит куда лучше, чем как самоцель. А тут тем более, за кем инициатива, за тем и диджейский

пульт. Не нравится – иди к трезвенникам и слушай плейлист хозяина квартиры. Или перетягивай канат – вот и вся демократия, понимаешь.

Я бросил два чайных пакетика с чёрным чаем в поллитровую кружку, залил её подготовленным для этого кипятком, и пошел подышать на балкон.

Грандиозный вид: с востока на запад, через центр, сквозь неснесённые пятиэтажные дома, парки, скверы и километры асфальта, снегоуборочные машины, наперекор несмолкаемым весь вечер салютам, что предвосхищают скорое ночное празднество, в упор к небоскрёбам, офисным центрам, гостиницам, заводам, вокзалам и тупикам героически отрабатывают свои рабочие смены для всех страт среднего класса, что точно если и поедут на работу утром, то только на метро, а метро, что обещает работать всё время наступающего первого дня года, хоть и работает, но абсолютно ничего не везёт: чёрные ступеньки меньше обычного покрыты тающим снегом, поезда десятками минут стоят на начальных станциях, переходы вымерли, а счастливые полицейские не будь дураками взяли себе больничные, наверное. Было их на станциях меньше обычного.

А леса, что за диво расчудесное, впитали в себя шашлычников как на девятое мая. Ребяшня катается с залитых горок наперекор всезапрещающим надписям на табличках и знаках, порядочные семьи хлопают в ладоши смотря на них,

танцуют и жгут бенгальские огни, а семьи повеселее уже давно растеряли свои последние пластиковые стаканчики. Все соки выпиты, все колбасы съедены, мяса нежареного вагон, горячительное будет допито всё. А там, в кустах, и у бетонных заборов, сидят себе рыбаки-наркоинспекторы, и удят себе премиальные, а повезёт если, то и обновлённые погоны. Знай себе карьерная лестница, денег как у стоматологов.

Вместо красной звезды на миниатюрную ёлку было решено поместить игрушку в виде красного мухомора, – эта идея была по нраву всем. Но видит глаз Божий, никогда у елей грибов не росло, особенно таких, и невидимой дланью Его гриб этот отвалился, упал и разбился. Я как раз вернулся с Кедром из магазина, когда Репей убирал пылесос с остатками стекла. Собственно, именно поэтому от греха подальше компания и перекочевала на кухню к её основной части. Я выпил залпом остывший крепкий чёрный чай и пошел на кухню, дабы заварить себе ещё кружку. Ночь обещала быть длинной.

Из туалета вышла перепившая девушка, которую, как мне помнилось, звали Тиной. Инстинкт, который можно назвать инстинктом красоты, позволил ей не запачкать рукава белой водолазки, которые та закатала. На сгибе в локте её левой руки была изображена печать царя Соломона, вроде как даже вытатуированная не в этом году. Поговорить с ней об этом представлялось занятием перспективным, да чего толка ради

допытывать бедную Тину, ей и так сейчас не до этого. Пусть встаёт на ноги.

Белая комната, что лежала между коридором и балконом, более не имела ни Репея, ни Росля. Они ушли, собственно, “хавать дошик”, уместно уступив компьютерный стол, чем я и воспользовался, за минуту скачав вторую часть серии “Древних свитков”, а после усевшись бегать по подземельям почти тридцатилетней давности. Разочарованию их не было предела, но и так понятно, что шибко чтобы надолго я не засел. Всё-таки и мне интереснее было вернуться в компанию, а побегать в нескончаемых пикселях – это так, для разгрузки.

Забытие, за ним- осознание забытья, за ним – осознание, что оно было. Я не в забытьи, но меня нет нигде. Я неве- сом, и чувствую себя как обычно. Можно сказать, что я во сне, только очень осознанном, и в то же время мне непод- контрольном. Это может произойти только в двух случаях, по крайней мере так раньше и происходило: или я надрался и сплю, или я надрался и бодрствую. В первом случае всё хорошо, я сейчас где-то лежу, надеюсь, что у себя дома, и пока я не буду готов в этом разочароваться, мне стоит про- должать наслаждаться царящими в моей голове представле- ниями. Второй случай интереснее, так как происходит он со мной реже. Значит он, что я брежу наяву. Это состояние ко- роче сна, обычно в сам сон плавно и перетекающий, только вот в нём можно сидеть и смотреть, например, на воду, а со-

знание перед тобой будет проецировать не галлюцинацию, что в воде что-то плавает, а прямо что основательно показывать, что сейчас ты находишься на горе, у ручья, который пьешь ты и мятой закусываешь. А потом пух, мир резко исчезает, и ты понимаешь, что чистишь зубы. Когда ты успел сделать все, получается, что автоматические действия в том мире, чтобы при этом иметь связь с этим миром – загадка. Такой бред я могу назвать лунатизмом, только осознанным, что понятно. Если сейчас действительно я нахожусь в пространстве сомнамбулическом, то лучше мне остаться на месте и ничего не делать. Тогда хотя бы я не натворю глупостей.

– И как тебе? – Эхом прокатилось по нескончаемой коридорной пустоте.

Мне уже доводилось бывать в такой, наверное, раза два, и два раза в детстве, в воображении и наяву: в воображении я просто зашёл в неосвещённую ночную комнату, а наяву мне довелось залезть в какой-то большой чёрный мешок с таким же нескончаемым количеством карманов, в котором я запутался и не знал как выбраться. Конечно, мешок стеснял движения, чего нельзя сказать о комнате, но так как в мешке было гораздо страшнее, сейчас, не будь я прожжён похмельными сонными параличами, так точно бы испугался как ребёнок. Однако ничего в затылке мне не сжимало и не щёлкало, я был свободен и бесстрашен.

– Не знаю. – Честно ответил я. – Привычно.

– В деда Мороза веришь?

– Какого из?

– В этом нет никакой разницы.

– Да, я нахожу, что дед Мороз больше дед, чем Мороз, в смысле, что я не думаю, что дед Мороз – это демон или джин, что исполняет желания.

– Ты хороший мальчик, если действительно в это веришь. – Раскатилось, а после грянул смех, в котором я стал различать цвета, чёрные и белые, что окрашивали горизонт. Я готов поклясться, что чем сильнее был вдох, тем чернее было, а чем громче был выдох, тем выразительнее резал белый мои реалии. – А хочешь знать, кто он?

– Ну, если ты мне снишься, значит хочу.

– Шарку, дорогой мой, – Он обратился ко мне по имени. – дед Мороз – действительно твой прадедушка, только не в смысле, как тебе привычно понимать его в культурологическом ключе. Дед Мороз – это то, что встретило человека в момент его грехопадения на землю. Это – всё чудесное в жизни, или сама жизнь, с которой приходится человеку идти рука об руку в момент выбора между добром и злом. Это – родовая память, наследие, сама информация, над которой не властно ни время, ни пространство, ибо оно есть во всём. Эта же информация, мысль, есть воплощенная здесь нулевая единица, первоначало, отсутствие всякого движения, абсолютный ноль. Я – род твой, основа всего космоса и условие его мироздания, и есть дед Мороз.

Он промолчал, дав возможность мне обдумать это бредо-

вое откровение со всей неподобающей для этого серьёзностью. Тьма и свет постепенно стали рассеиваться, или, если быть точнее, они стали формироваться в организованное геометрическое пространство. Этим я был поражён в большей степени, так как не ожидал попасть в пространство урока, по которому в школе у меня всегда были тройки. Дед Мороз продолжил.

– Я, приходящий из полного отсутствия, в утвержденном Законе музыки сфер, есть в Мире как Хранитель Ключей. Я даю тебе Всё для Мира, в котором есть моя Власть. – Пространство подле меня давно из квадратных корней претерпело сущностное изменение: я сидел на этих самых корнях как на корнях разросшейся ели, меня потихоньку стал обступать снег, а за ним, за образующимися сугробами, стал медленно проявляться растущий издалека лес – Я твоя кровь, твой Род, твоя Вселенная и твоя Причина. Я есть высшее Я тебя, а ты – живущая часть Меня во Мне, а тело твоё – Моё. Не будь я самим Спиртом, – душой Меркурия, не был бы и ты Меркурием, – вином, и не сделан бы ты был из винограда, – материи, рукой заботливого Создателя, решившего сделать Сок, как сделал он и Музыку. Спирт – это музыка – это я – это ты- это дед Мороз.

– Ты, получается, что-то среднее между Родом и Волей, и к тебе я тобой же обращаюсь, чтобы претендовать на своё наследство, которое для меня необходимо, но которое легальным способом я могу получить всего раз в году. Всё так?

– Ты и без меня это знаешь, если ты мыслишь мной же.

– А как я могу к тебе обращаться, чтобы не звучало, что я – это ты, или сам дед Мороз?

– Зови меня Гитлер. – сказал дед Мороз, и рассмеялся; я стал смеяться вместе с ним, и посмеялся я от души. – Ладно, Шарку, давай, чтобы мы не путались, я отныне буду Шарку, то есть тобой, а ты, ну, скажем, будешь Громосветом.

Меня эта новость позабавила. Интересно, сколько ещё пройдёт времени прежде чем я окажусь пробуждённым, а потому очнувшись в, дай Бог, полумёртвой квартире около семи утра.

– А почему Громосветом? – выпалил я, впервые обратившись к окончательно-сформированному лесному массиву.

– Во-первых, мне, а стало быть и тебе нравится это имя. Во-вторых, здешние места обязывают хранить при себе истинность твоего имени, особенно если ты до сих пор живой. Ты же живой?

– Я так считаю.

– Ну и вот. В таком деле главное не переживать, порядочное же, как ты выражаешься, имя. Загляни под ёлочку.

Ель, к которой я был прижат спиной всё это время, плавно пошевелила своей кроной, смахнув с себя снежок. Под ней по правую руку от меня лежал свёрток, связанный пеньковой верёвкой и залитый красным воском. Я разбил воск о ствол дерева и зубами разгрыз верёвку.

В свёртке меня ожидали, кто бы мог подумать, подарки:

книга, но не гримуар, настольная игра, к которой не прилагались правила, сам свёрток, на котором была начертана, или скорее даже вытатуирована сигила, так как мне не удалось установить из какого рода ткани был сшит этот свёрток, вяленая оленина и небольшой пузырёк разбавленного спирта. Его я выпил сразу, закусив вяленным мясом.

– Когда захочешь есть или выпить, закопай свёрток в снег так, чтобы сигилу видно не было. После же достань, разверни, и появится тебе от меня и оленина, и спирт.

– Вот удружил! Спасибо тебе, дед Мороз!

– Ты это погоди радоваться, не валяй дурака, не у себя дома. Видишь же, что места незнакомые.

И действительно, по отношению ко всем известным местностям, что лежали рядом с домом Репея, этот лес не походил ни на один в правильном понимании европейский лес.

– Это место, да будет тебе известно, мой, а стало быть и твой дом. – Голос Шарку утихал как громогласное эхо, и больше становился осязаем рядом, но где точно – я не мог установить. – Есть множество мест, куда человек может попасть после смерти, при жизни, и до её начала. Рай, а стало быть и ад, есть места, как тебе известно, в которых находятся люди до всеобщего воскресения мертвых, что настанет после судного дня. И не мне тебе рассказывать, что адовы круги – такая же беллетристическая выдумка, как, например, Лилит. Однако эти места не встроены в цельную космическую

картину, ведь так? Это просто карманы, не относящиеся к
цельному отношению времени. Громосвет, слушаешь?

– Да, никуда не денусь.

– Отлично, тогда давай поговорим по-человечески, я как
раз воплотился.

Внаглую тяжелая ладонь прилетела мне по плечу, от че-
го я, во всю увлечённый фигурками подаренной настолки,
которые нивкакую не собирались покидать игровое шаро-
вое поле, разграниченного сформированными как бы внутри
него треугольниками из разноцветных линий, от испуга это
самое поле уронил в снег. Остудившим взглядом я поднял
глаза наверх. Там стоял я, чьими глазами я видел себя сидя-
щего снизу, на ком была положена моя рука. Видеть себя в
двух позициях одновременно – впечатляющее впечатление,
впечатляет; не хватает только зеркала для пущей рефлексии.

– Ну так и вот, наливай, дело сейчас такое, так сразу и не
разберешься.

Я налил себе и себе, чокнулся и опрокинул две рюмки к
разу в двух своих телах, после чего предложил себе закусить,
на что я ответил себе учтиво: “Спасибо, у меня ещё есть,
кушайте сами”. Было похоже, что от такого словесного трюка
я расстроился.

– Это, прямо здесь и сейчас, Гиперборея. Но не стоит ду-
мать, что всё, где ты будешь быть, будет также называться
Гипербореей. Твой Род не живёт в Гиперборее, а точнее не
только в ней. Твой Род живет в Себе, на границе реально-

го, желаемого и выдуманного. Для простоты сейчас этот дом можно назвать “Граничащим”, или даже “Граничащее”. Для покойников – место, где умирают в Себе, для живых – место, где только и может быть “Я”, “Своё” и “Ценное”. И в это же время это – генетический дворец памяти, который передаётся наследственно, и с которым рождается человек. Это – вообразимое всемирье, и чем старше мир, тем большему числу людей этот мир дорог, а стало быть тем больше исхождений из него в другие миры. Схематически и по своей структуре “Граничащее” представляется как золотая середина в смесях форм дерева и пирамиды, только интереснее.

– Так как один мир плавно перетекает в другой?

– Схватываешь на лету! От центра до самых окраин, а далее разрастаясь, привнося всё больше стороннего генома, формирующего родовую память. Сейчас ты не отличишь в какой из Гиперборей ты находишься – изначальной, или дополненной, но что ты можешь знать наверняка, так это то, что пока ты здесь, это место не будет меняться. Но ты не представляешь какое откровение тебя ждёт дальше.

– Сошествие в Себя недостаточно сильное откровение?

– Ты рано понял, что ты в Себе. Не забывай, сейчас ты только в Граничащем с Собой месте. Это – владения, которым никогда не свойственно оставаться в Себе, Граничащее вообще весьма условная... штука. Если бы у Граничащего было такое место, в котором оно могло всецело находиться в материальном, тогда таким местом являлся бы твой, уж про-

сти, репродуктивный орган, если бы человек сразу имел все признаки того, что есть и в мужчине, и в женщине. Однако в связи с тем, что история сослагательных наклонений не имеет, а стало быть и пол у тебя есть, Граничащее находится на Обратной Стороне. Ты же изучал Египетскую мифологию?

– Ну не как египтолог, понятное дело.

– В общем, если совместить то, о чём я говорю, то есть разговор об Обратной Стороне с египетской мифологией, то, например, когда кого-либо мумифицируют Там, здесь Исида и Нефтида, там являясь “бинтами”, Здесь, на Обратной Стороне, являются полноценными Богинями, женой и сестрой Осириса, которого те обнимают оплакивая, предотвращая его тление... Когда у человека, да и в целом у любого хотя бы млекопитающего были все половые признаки, Граничащее находилось в теле как его часть, но сейчас, на Обратной Стороне, Граничащее – расширяющаяся граница Обратной Стороны, а в самом Граничащем – Мир Обратной Стороны. Там, где реальность, ты видишь символы, здесь, на Обратной Стороне, символы – реальность, а всё, что символично здесь – реально там. Представь, что Обратная Сторона – набор множества шестерёнок, а Граничащее – неломаемое, но деформирующееся строение, или даже просто плесень, растущая между зубцами шестерёнок. И когда шестерёнки вращаются в нужную сторону, то Граничащее меняет форму, а, следовательно, и доступные Миры Граничащего меняют своё дорожное сообщение друг с другом. Вот шестер-

ни обратной стороны для всех работают одинаково, а дворец памяти Граничащего, пойми правильно, у каждого меня своя, пока новым поколением в реальности не будет создано нужных механизмов для Обратной Стороны, с помощью которых можно построить сообщения, и как следствие дополнить существующую генетическую память. Вот Это уже и есть В Себе.

– Так значит... – начал я. – В Себе состоит из реального как Граничащего, то есть множества изменяемых Миров, которые находятся в генетической памяти, и которые развиваются параллельно друг с другом до тех пор, пока между ними не возникнет путей сообщения. – Я поднял из снега игровое поле, которое уронил от испуга несколько минут назад, и продолжил, пристально его осматривая, крутить в собственных руках. – А вот пути сообщения возникают за счёт деятельности в мире реального, которые здесь, на Обратной Стороне, представляют из себя своего рода механизмы смены времени суток и сезонов погод как таковых. Только в связи с тем, что смены определяются символическими актами, а не движением планет, то и космос, отсюда, а стало быть и окружающие здесь Миры, меняются сообразно переживаемому Там.

– Тебе так необходимо было всё это понимать с первой попытки? Не забывай, что будь моя Воля сказать тебе всё это именно так, то я незамедлительно тебе бы так и сообщил.

Сейчас же получается, что этот Мир ты понимаешь лучше меня.

– Скорее, за неимением альтернативного мнения я был в выигрышной позиции.

– Зришь в корень. Будем.

Пошёл крупноснежинный снегопад. Титаническое спокойствие гиперборейского леса не нарушилось. Тишина царила вокруг. Окрасившийся в серый шум горизонт лесного массива безмятежно царствовал.

– Елочкой закуси.

– Ага. А чай есть?

– А как же, у меня много самобранок.

– А сапогов-сорокоходов не держишь, дед Мороз?

– Ты иронизируй дальше, только эти самые сапоги-сорокоходы тебе ни к чему. Ты и в своих резиновых здесь пройдешь где хочешь, как желание появится. А вот тема которую ты в руках вертишь тем более тебе заменит всякую сорокоходность. Дай сюда, покажу.

Я протянул замерзающие руки с шаром, который я до сих пор не мог в должной мере оценить на ощупь. Как и в случае с неизвестной мне тканью, шар был для меня непонятен: он был прозрачен, невесом, и я при своём желании мог даже насквозь протянуть в него собственную руку, но при этом, стоило его уронить в снег, тот, как будто имея массу, продавил близлежащий сугроб, оставив идеальный сферический след, который уже успел припорошиться снегом.

– Как ты думаешь, каким образом в извечно-нестатичном мире Граничащего ты можешь пересекать пространства, если этим местам даже нарисовать карту на ближайшие сто метров невозможно?

– То есть как невозможно?

– Ну вот тебе загадка, почему этим местам нельзя нарисовать карту?

– Потому что они меняются когда меня здесь нет.

– Каким образом они меняются?

– Ну, если я разожгу здесь костёр, то понятно, что место, на котором я сидел, обуглится.

– Чего греха таить, вижу, что ты понимаешь, что у Граничащего нет души.

– Какой ещё души, я про себя и следы, которые я оставляю.

– Ну, и я о том. Если место оставляет о тебе память, значит у места есть душа. Если ты уйдешь, а затем вернешься обратно и не обнаружишь остаточного следа, то значит, что мир поменялся?

– Нет, он остался таким же, просто меня давно в нём не было.

Шарку помотал головой, опрокидывая взятый им из-за пазухи пузырёк бальзама.

– Ты прекращай применять историзмы на Обратную Сторону. Здесь время – символично, мыслит оно положениями

весьма статичными, каждый раз как окажешься здесь – попадёшь в совершенно другое время. Так сказать установки, которые ты ощущаешь здесь, каждый раз будут меняться в том самом смысле, что это будет другое пространство. Пока ты здесь, оно меняется как вялотекущее безумие, а как только ты исчезнешь отсюда, то и его законы пойдут по пути молниеносного бреда. Отсюда вопрос: что это за шар в моих, а стало быть и твоих руках?

– Не поверю, если карта.

– Она самая и есть, но весьма интерактивная. Моё изобретение. – Он взял мой указательный палец и прислонил его к одной из цветных линий. – Смотри. Чем больше на шаре линий, а потому и треугольников, тем ближе ты находишься к центру Граничащего. И наоборот, чем на шаре меньше линий, тем ближе ты, так сказать, к собственной современности. Вот видишь эту фиолетовую линию? Нет, это рубиновая. Да, она. Это, если тебе интересно, виртуальность. Весьма занимательная часть пространства, я тебе так скажу. Кроме того, её символические законы одновременно объединяют в себе как Обратную Сторону, так и Основную. Можно сказать, что Виртуальное – это мир духов, куда с Основной стороны могут перенестись интеллектуально, а с Обратной стороны – физически.

– Значит мы сейчас находимся в виртуальном?

– Не совсем так. Сейчас мы здесь, в пространстве между гранями воды, растений и растений, видишь? Даже подсве-

чивается.

– Угу. – Отуплённо согласился я.

– Вот, а как ты будешь перемещаться с этого пространства до, скажем, виртуальной Гипербореи?

Этот вопрос поставил меня в тупик, который ни в какую не хотел ломаться под натиском моей несообразяющей головы. Мне захотелось спать, от чего пришлось умыться режущим кожу снегом, чтобы не проспять весь ликбез по миру прозрачного шара. Даже получилось взбодриться.

– Отвечаю на поставленный вопрос самостоятельно: как видишь, каждая грань образует две стороны, а потому, находясь в одном конкретном пространстве, рядом с собой ты видишь, что есть ещё три пространственных типа, по одному на каждую соседствующую грань. Дальше проще: если тебя устраивает где ты находишься, то советую тебе убрать шар и наслаждаться местом. Если ты хочешь поменять место, то достань шар, и найди рядом с собой то, что не особо присуще этому пространству, например, заброшенный дом. Если пойдешь к нему, то сможешь выйти и не к заброшенным домам. Убедись только в том, куда именно ты попадешь, на шаре это начертано само по себе.

– А если захочу сменить мир?

– Возьми шар и дойди до его края.

– ... Чего?!?

– Для этого достаточно его просто не переворачивать. Если переместишься в ту часть шара, что ближе к твоему телу,

то выйдешь в том же мире на стороне, которая лежит дальше от тебя. Если переместишься к части шара, что дальше от тебя, то сразу же попадёшь в другой мир. Нужно только отчётливо представлять то, какие новые грани встретят тебя.

– А фигурки?

Шарку произвёл глубокий вдох, выдохнул, взял кусок вяленой оленины и продолжил своё повествование, перебивая его лишь периодическими откусываниями характерных мясных частей.

– Понимаешь, карта живёт своей жизнью. Фигурки, которые ты не можешь с этой карты отлепить, не твоего, так сказать, хода. Считай, что это такое положение звёзд для живущих здесь. Только вместо звёзд – Хозяева.

– Боги?

– Нет, скорее устранившиеся, причём себя.

– А как ты, хранитель рода, мог себя устраниваться?

– Тут дело не во мне... Сейчас... Точно не будешь?... Ну вот, не во мне дело. Это, так сказать, те, кто сейчас борются с Обратной Стороной и Граничащим, такие антикосмисты Себя. Они не рушат Мир, сам видишь, они скорее охотятся за мной. – Шарку посмотрел на меня, а после улыбнулся и дополнил свою мысль, оценку на которую мне давать просто не хотелось, так как снова начало клонить в сон. – Ну не за мной как сами за собой, и не за тобой, а, скорее, за возможностью моего проявления в Мире Той стороны. Можно сказать, что они и есть властители виртуальной периферии, там

их дом, и оттуда они устремляются на обе Стороны.

– Вот так объяснил. И что, никаким чудодейственным ластиком их не стереть и никаким ломом не вырвать?

– А зачем тебе что-то вырывать ломом? Если фигурок этих нет, значит нет рядом и уstraшившихся. Если уstraшившиеся рядом, то тебя они не тронут, ты им не нужен. Знай себе сиди да медитируй, – самое лучшее занятие в этом мире, на мой взгляд. Больше медитируешь здесь – активнее живешь там, и наоборот. Логика, я думаю, тебе и так понятна.

– Шарку, и чё... Ты хочешь сказать, что я в действительности Здесь?!?

– И да, и нет. Всё-таки, хоть ты и здесь, но ты до сих пор там, вусмерть пьяный.

– Господи, спасибо.

Как это и бывает в очевидных выводах, оказалось, что не всё так однозначно, и никакое “спасибо” никакому “Господи” раньше времени слать не нужно. Очевидно, что место, куда меня занесло, не работало как загробный мир в его привычном понимании. Например, не было никаких гарантий, что если на Обратной Стороне наступила ночь, то на Той Стороне шел день. Или вот медитативный акт на Обратной Стороне, он ни капли не значит, что на Той Стороне я преисполнюсь силами и войду в активную фазу необдуманых действий.

Также оказалось, что на Обратной Стороне я не могу управлять собственной жизнью на Той Стороне, просто существуя сам по себе. Даже если Шарку и намеревался говорить правду, то он не учёл, что на меня не распространяются правила этого мира в его привычном механизме. Всё большее напоминало сломанный телефон, к которому мне долгое время приходилось адаптироваться.

Всё это вообще выглядит как красочный недодел, в котором, если честно, наскучивает находиться дольше десятка минут, и тут меняй своё окружение – не меняй, но одиночество не только не прекратит следовать по пятам, но даже будет умудряться своевременно догонять, и, куда без этого, настойчиво покусывать пятки.

Оказалось, что Шарку не шутил касаясь того, что он есть Спирт. Он своего рода им призывался по мере необходимости. Я допивал первый пузырьёк, а после, принимаясь за второй, слышал его небодробящий возглас, обычно меня вопрошавший о том, пью ли я один и почему я пью один. Как я понял впоследствии, каждый раз когда я опрокидывал пузырь, его, а стало быть и моё тело настойчиво требовало что-нибудь выпить. Весьма простая логика.

И вдруг я встречаю на Обратной Стороне населенные места. Кроме нескончаемого количества деревушек, в которых, как оказалось, семьями жили покойные крестьяне, фермеры, садоводы, собиратели, рыбаки и охотники, в этом “в Себе” были и города. В один из них мне и на Той стороне дово-

дилось попадать, но тогда мне его виды открывались как откровения, а теперь, весьма обыденно, я гулял по его улицам как по собственной кухне.

Этот город находится на периферии гор и вод. Он не появлялся никогда в точное время, скорее он открывал свои ворота лишь в тот момент, когда меня окружал туман, будь он предрассветным, ночным, или неутихающим на всём протяжении дня.

Обратная Сторона мне не нравилась, так как я не чувствовал себя Хозяином этих мест, не был пупом земли, и даже какой-никакой знаменитостью, прибывшей с Той стороны. Покойникам это было не за надобностью, а людей, в правильном понимании, то есть таких как я, мне не довелось встретить ни разу, хотя Шарку потому и вышел в моё тело, чтобы открыть людям это чудесное место общей памяти.

Да, я уступил Шарку собственное тело, и пока он несёт свою миссию в массы, я нахожусь так сказать запертым в безграничной библиотеке знаний. Как вчера помню эту фразу:

– Громосвет, ты оказался в Себе, так как ты веришь в Себя.

Приятно, конечно, что покровитель Рода, первопредок, который мог появиться как воплощение только на Обратной Стороне, и которого, по факту, не должно было быть вовсе на Той стороне, и не мне сейчас здесь объяснять почему, оценил по достоинству мой талант манипулировать информацией для собственного развлечения, но чтобы так, чтобы

сам дед Мороз, да ну. “Устраившихся”-то я не придумывал, хрен пойми как их найти, а как в виртуальность зайти так и тем более невообразимо! Не могло быть так, чтобы я с самого начала был прав. Хотя, отсюда следует, что раз я сейчас не верю в собственную правоту, то и моё нахождение здесь, получается, вынужденно, а не добровольно...

Сложно это. Одно понятно лишь, что лучше не сомневаться ни в чём. И не нужно ничего усложнять, особенно намеренно.

Это место, которому я дал название Кирквуд, находится в центре всех туманов. Он везде, от него проистекает всё, и к нему же всё приходит. Он возникает, а потому и строится по себе и из себя, и является доступнейшим местом для посещения во всей Обратной Стороне. Можно даже сказать, что он, а точнее то, что его возводит, элементарно пронизывает всю Обратную Сторону. Мне даже приходило в голову, что туманы Кирквуда и есть искомое виртуальное, но шар, который про себя я назвал “Бобой”, настойчиво не соглашался со мной, показывая всё те же грани вод и гор. Поэтому Кирквуд становился все большей загадкой этого непостижимого мира каждый раз, когда я в нём оказывался. Изучением Кирквуда я и занялся в первую очередь.

Сначала я бегал по мирам, сменяя их от самого древнего до самого нового, прыгал межпространственно и часами медитировал с нескончаемым запасом спирта до наступле-

ния нужных мне осадков, после заходил в туман, и экспериментировал с Бобой. В любом случае, собирался ли я переместиться в другой мир или намеревался остаться в этом, Кирквуд воздвигал передо мной свои белоснежные, голубые и серые пассажи, я приходил к знакомым площадям, лавкам и баням, и общался всё с теми же покойниками. Они не имели тяги к спиртному, им чужда была актёрская игра и спортивные зрелища, не играли они и в карты. Они просто сидели на улице и пили чай.

Поэтому, не получая никаких внятных объяснений с того, что такое Кирквуд, я переключился на его жителей. Я носил им ежевику, ежеиков и пески, свиной, змей, камни, рыб и лисички, жвачку и пиво, даже безалкогольное. Эксперименты возымели успех в тот момент, когда я залил одному мертвецу в чай морской воды, и тогда я впервые увидел, как мертвец может ругаться. Как тогда и оказалось, – мертвецы оживают с соли.

Тогда я стал мешками таскать соль в Кирквуд, благо Боба позволял найти превеликое множество соляных карьеров. Знал бы я того предка, кто считал такие карьеры самым дорогим личным пространством, то и однозначно пожал бы ему руку.

Сколь я много соли не принёс, и как не оживлялся с этого город, – стоило уйти за новым мешком, как по возвращению всё становилось как прежде. С оживших мертвецов также было мало толка: они не могли знать где и по какой причи-

не находятся, а ещё и не представляли как из этого города выйти. Да и что они находятся в городе для них было откровением.

И действительно, стоило мне пытаться вытянуть мертвеца из тумана, как я приходил к тому месту, с которого и принимал такие попытки. Из этого я уже имел достаточно информации, чтобы постигнуть хотя бы часть природы этого пространства: соль есть часть жизни, мертвецы не покидают Кирквуд, Кирквуд есть везде, где есть вода, а вода есть так или иначе в каждом пространстве, почему-то. Получалось, что Кирквуд – это самый обыкновенный, а потому и до простоты наивный облачный город.

Мало кому доводилось в своих представлениях бывать в небесах. Мои современники, конечно, бывали, и даже те, кто жил в минувшем веке, но, видимо, никому эти небеса не нравились до такой степени, чтобы детально прорабатывать небесное пространство в своих представлениях. Потому получалось, что они остались как естественные приложения всякому виду, дополняя основную композицию мира как её части, но очень абстрактной. Из этих абстрактных представлений и сформировался Кирквуд. Такими были мои суждения. Эту модель я принял, и стал по мере возможного, как умею, проверять на прочность.

Не проходило и недели чтобы меня, где бы я ни находился, не поглощали туманы Кирквуда. Его повсеместная на-

вязчивость заставляла меня прятаться. Я уловил закономерность, что этот город – страшен, и куда настойчивее одиночества меня преследует, и в этот же момент я почувствовал, не предвосхитив своевременно этот факт интеллектом, что всё это время я не был один ни в коем случае. Кирквуд не мог быть Миром в Мире. Он – существо, всепроникающее, хищное, и для которого я – неперевариваемый, но слишком аппетитный кусок живой плоти.

Мои опасения подтвердились, когда неделю проторчав в пустыне, в открытую, прямо на солнцепёке, из пучин миражей я узрел суровую реальность окружающего меня тумана. Он, конечно, меня поглотил, и я снова оказался на знакомых улицах неисчерпаемого горизонта городских башен. Но потом всё стало не так, как обычно это должно было быть.

Неизвестно в какой момент это случилось, но я проснулся посреди забытья, где впервые встретил Шарку. Что тем более интересно, так это факт того, что я, во-первых, засыпал трезвым, а во-вторых, что засыпал я на прогретом пляже, при солнечном свете и ненавязчивом морском прибое.

Это было обыкновенное дело: я просыпался на пляжу, завтракал доступными мне плодами, преимущественно – манго, а после, в силу состоявшейся привычки, шел гулять по неисчерпаемым красотам Обратной Стороны. За одну пешую прогулку я посещал такие места на своём маршруте, что к концу дня, сидя на пляже, я готовил ужин из плодов,

ягод и растений столь характерных, что навряд ли где-нибудь в мире Той Стороны есть хотя бы город, в котором всё используемое можно найти в достатке, потратив на это столь мало времени. Подготовка стала для меня занятием принципиальным, даже самоцельным, а тут раз, и забытьё.

– Ты прекрасно прячешься, раз даже я тебя не нашел.

– И как это понимать?

– Понимай это как тренировку.

Шарку показался из темноты до неприличия резко, и только тогда я понял, что я ни капли не вернулся в забытьё, хотя бы потому что я с самого начала нахожу перед своим взглядом чёрный цвет. Понятное дело, что я находился в помещении, причём хорошо освещенном, в котором квантаблековые стены ухитрились меня коварной иллюзорностью заставить поверить, что континуум этого мира полетел, например, потому что Шарку угробил моё тело. Именно это и пронеслось в моей голове в тот момент, когда моё украденное имя бесцеремонно появилось передо мной.

– Я поверю сейчас вообще во что угодно, ты просто свяжи для меня прошлое с настоящим.

– Да, тренировка. Я, как ты и позволил, воспользовался твоим телом. Я вознес направленную потоком волю твоих предков в чертоги проистечений твоего профанного тела, да и преобразил его в игровое поле... материального характера. Представить страшно, что происходило на Обратной Стороне в этот момент. Сам понимаешь: символ выходит в реаль-

ность, реальность становится символической, символы, что на Обратной Стороне имеют буквальное воплощение, а тут получается, что и здесь материя символична, и там... В общем,— это было удивительное противостояние полюсов.

— Каких еще полюсов, каких к чёрту материальных символов как символических материй, почему ты не оставил меня рядом с моими моллюсками?

— Время вышло, ты победил, вот и не было никакой необходимости оставлять тебя дольше отведенного. — произнёс Шарку с невозмутимейшим спокойствием. Достигнув меня он присел рядом.

— Победил в чём?

— Пока только в самом малом: в прятках.

— Шарку, не смешно, я ни от кого не прятался, разве что только от города, и то, неоднократно проигрывая.

— Значит, я по тебе попадал. Вот как... Как тебе КНИБ?

— Город?

— Ну, КНИБ, аббревиатура у него такая.

— Полное имя города?

— Иди ты. КНИБ — это коллективно-направленная импульсация бреда.

— Я не бредил, на меня действительно нападал город.

— Нет, если кто на тебя и мог напасть, так это я, силой КНИБ. КНИБ — это оружие, позволяющее сдерживать эльфов.

— Эльфы у деда Мороза? На западный манер?

– Эльф – это ты, кстати, с чем и поздравляю тебя, Громо-свет, принц чаек.

– А уши?

– Для чего тебе ещё одни уши?

– А какой я эльф без ушей?

– Меньше себя стереотипизируй. Ты эльф, так как ты за-служил стильную шляпу, красную, широкополую, как у вол-шебника. Носи с честью.

– И зачем же эльфу шляпа без ушей? И где она?

– Она на Той Стороне, под ёлочкой, доведется – загляни.

– Подарки во второй раз?

– Подарки одни, просто получаешь ты их в двух мирах. В этом- сигил с водкой и олениной, антинекроастротроп и кар-та. В том – красная эльфийская шляпа. Надел там – обеспе-чен необходимым здесь. Работу Обратной Стороны ты зна-ешь.

– Антинекроастротроп – эта та непонятная книга? Я её на костёр пустил.

– Я знаю. Поэтому мы здесь, принц чаек.

“Здесь” – это в антинекроастротропе. Нескончаемый, хто-нически-чёрный колонный зал являлся не обыкновенным пространством Обратной Стороны, и не был он и отдельным миром, как Та или Обратная Стороны. Он был и есть дворец памяти моего тела, но не всем, а таким потаённым залом, которой отвечал только за Обратную Сторону.

– Звёздам свойственно умирать. Звёзды же определяют

пространства, времена, энергии и ситуации. Почему символизм звёзд Той Стороны не затрагивает на Обратной Стороне вопрос, например, популярности? Потому что на Обратной Стороне нет людей? Нет, они есть, и их очень много. И тогда за что отвечает символизм мёртвых звёзд? За почившие триумфы? Нет, триумф вечен, и сделанное годами ранее привнесёт себе славу годами позднее. – Шарку продолжал свои пространственные речи, идея впереди меня посреди нескончаемого мрака. Иногда он даже умудрялся спотыкаться. – Мёртвые Звёзды – это животворящий принцип естественных законов Обратной Стороны. Но что Законно на Обратной – то определено языком на Той. На Той – ты формируешь и получаешь Законом положенное, на Обратной – только используешь.

Экскурс в диалектику продолжался двадцать минут кряду. Оказалось, что книга, то есть “антинекроастротроп” – это такой сборник своеобразных 3D-моделей, рассматривающий мертвые тела звёзд как своего рода представления о, во-первых, законности космоса и тел его формирующих, а во-вторых, о том, что даже таким формам свойственна смерть, а стало быть смертны и Законные силы устоявшегося влияния. Вот и получилось, что космос как бы вечен, а влияние звёзд на жизнь рано или поздно да пропадает с их смертью, и потому мёртвые звёзды – ресурс для реализации собственного влияния на мир. С антинекроастротропом можно повелевать обстоятельствами.

Мы же, находясь здесь и сейчас, именно то и делали, что восстанавливали по кускам необходимые схемы, утраченные в огне на Обратной Стороне. Так и выяснилось, что обе Стороны не только дополняют друг друга как пути проистечения символов в догмы, но и по факту являются единым целым объектного. Ничто никуда не исчезает, и не исчезало никогда.

Мы дошли до центра колонного зала, освещенного незаурядно-редким количеством красных, жёлтых и голубых звёзд.

– Когда ты уничтожаешь антинехроастротроп, то исчезают лишь установки, но сами звёзды возвращаются сюда. Каждый эльф, становясь иероглифером, может воссоздать в чертогах собственной памяти все использованные установки, восстановив свою книгу. Очень похвально, что ты справился без неё. АНАТ имеет свойство вызывать аномалии, от чего не рекомендуется использовать его без необходимости, иначе выдашь себя раньше времени

– Так было это что? Какого рода инициация?

– Ты про КНИБ? – он вручил мне в руки готовый идентичный экземпляр сгоревшего антинехроастротропа, после чего дотронулся до моего плеча, разворачивая к предполагаемому выходу. Со страниц же мне в это время разворачивались танцующие схемы, сшитые невидимыми принципами из ряда горевших звёзд, ныне-витающих перед моими глазами. – Я, при первой нашей встрече, упомянул тебе “устрада-

шившихся”. Их же можно понимать как “киберов”. Они, в правильном смысле этого слова, не объектны.

– В смысле, что они не верят в Себя?

– Как раз они считают, что верить в Себя невозможно, так как Себя нет. Пойми, Стороны – это и в том, и в другом отношении сущностная эзотерика. Там ты в себе, здесь ты из себя, а потом здесь ты в себе, а там ты из себя – всё одновременно, просто где-то ты здесь или там, пока там нечто организуется здесь.

– Очень интересно.

– Тебе нужно понять суть киберов. У них нет “здесь” и “там”, они объединили Стороны в Сферу.

– Если мы с шляпами, то они в скафандрах? Нас боятся космонавты?

– Шутишь уместно.

– Ты прости, раз перебиваю.

– Да понимаю. Остаться одному на добрую пару десятков дней – это еще потом попробуй держать язык за зубами... Пойми, Громосвет, такую истину, что киберы создали мир с нуля.

– В смысле, что они существуют в собственной Вселенной?

– Нет, они как бы до сих пор с нами, но находятся... В автономной области конечного смысла что ли... Это очень мудрёный социальный механизм, тебе нужно это представить в правильном порядке.

– Давай с конца. КНИБ – это...

– Коллективно-направленная импульсация бреда – это технология, механизм, работающий по следующему принципу: некоторое продолжительное время формируется инфополе, а потом, как настаёт нужда, вся подконтрольная информация, требующая разрешения внутренних проблем, направляется в сторону определенного места. Это порождает в пространстве информационный шум, в следствии с чем

– надвигается туман. – завершил я.

– Ну, туман – не туман, да вот только что точно, – на руку это тебе не идёт.

– Хорошо, принципы работы понятны. А то, почему это работает, тесным образом связано с их жизнью?

– Смотри: у тебя есть твоя жизнь, в которой ты каждый день перебегаешь от одного занятия к другому. Ты можешь понять когда ты купаешься, когда ты читаешь, когда ты общаешься, и потому наверняка понимаешь, что для каждого твоего действия существуют собственные смыслы, – как здесь, так и там, взаимосообщаясь. Киберы же сделали так, что у всего есть единый смысл, подмяв под себя взаимосообщение в единую суть. Получилась такая своеобразная нескончаемая игра, построенная авторским языком, или простое своемирие, возникшее из ничего и подмявшее под себя обе Стороны.

– Мы живём на монете, а они в шаре, в котором есть наша монета?

– Только для нас этого шара не существует, а для них – монеты.

– А что есть внутреннее поле шара для тех, кто находится на монете?

– Виртуальность.

– И того я имею, что КНИБ бьёт из всеосознанной сферы киберов по какому-то пространству Обратной Стороны. Всё так?

– Именно.

– А зачем?

За нами закрылась чёрная аркообразная дверь, не имеющая за собой никакого продолжения. Мы стояли на холме кислотно-салатового луга, и мощеная дорога под нашими ногами уводила в цветущий дворец под открытым небом. Колонны украшали каждый поворот, тимпаны многозначительно хранили указания, птицы знаками вели к гнёздам тайн, скрытых за необъятными оборотами воссозданных лабиринтов. Небо клонило солнце к закату.

Мы свернули к аллее и прошли к ряду с десятков фонтанов, отличавшихся между собой только коваными оградами, ведущих вдоль себя к местам планетных покровительств. Затем были пройдены бассейны, бани и кухни, горки и трамплины, и дальше, когда дворец претворился в спуск, мы дошли до морского побережья. В море – острова, подобные Кикладам, на островах же этих детство моё. Сейчас нам не тре-

бывалось направляться туда.

Мы пошли вдоль берега, молча, огибая всё чаще выступающие камни, а после, как в целом берег сменил свою поверхность на скалистый рельеф, наш путь довёл нас до грота.

– Громосвет, – обратился ко мне Шарку, нарушив часовую тишину нашего пути. – ты обращал своё внимание на карту, когда я бил по тебе КНИБом?

– Горы и вода, как и здесь.

– Этот грот – место в твоей памяти, где находился я, когда ты посещал Обратную Сторону. Было достаточно заглянуть в пару укромных уголков в твоём саду, как я набирался такого, тут уж прости, бреда, что живо бежал сюда и бил в лишнюю тройку организованных пространств во всех их временах и разновидностях. А вот почему я из царства твоей памяти умудрялся бить по Обратной Стороне, то

– заслуга виртуального. – умело завершил я.

Оказалось, что виртуальное – есть сама земля, а виртуальность – это пещеры, гроты и величайшие тёмные подземелья. Кирквуд же, по всей видимости, был не только самым душевным информационным шумом; я держал в голове, что покойники, которых я всё пытался пробудить, тесным образом были связаны с Шарку. И символизм облачного города в его связи с виртуальным также не давал мне поводов для ощущения полной уверенности в собственных знаниях о происходящем. Я стал сомневаться, меня одолел страх, и над морем громыхнуло.

– Слушай, – вдоволь насмотревшись на серые стены грота я перехватил инициативу и повёл Шарку на выход. – если ты был в виртуальном, а я не был, то выходит, что виртуальное формирует реальное на Обратной Стороне?

– Я же весьма дословно описал. Виртуальность – реальна, просто выражается она по-разному, в зависимости от её Стороны. На одной – она невидима, на другой – она есть сама земля, тут всё просто.

– Нет, я же говорю о том, что Кирквуд мне не показывался виртуальным местом, хотя по своей природе он исходит из виртуального.

– Ну ты был под землёй?

– Нет.

– Ну и тогда как ты мог быть в виртуальном? Ты был в облаке, весьма реальном, порождённом местными подземельями. Просто вместо подземелий ты был на своей, а стало быть и на моей земле, а на моей земле – твои предки, ну и мои потомки, а стало быть и не подземелья, а могилы, да только не могилы, а онлайн-чат Обратной Стороны В Себя. Такая вот вышла с тобой виртуальная сессия.

– Грот, получается, своеобразный компьютер с выходом в сеть, куда ты транслировал секреты, полученные из моей памяти моим покойным предкам...

– Только те секреты, которые ты сам запомнил, в твоё подсознание я не лез. Ну и как ты мог ещё пройти эльфийскую

инициацию без участия твоей семьи, сам подумай? Будь ты недостойным, то удары КНИБа свели бы тебя с ума, Обратная Сторона исчезла, и пуф – ты очутился, как то водится, рожей в салате и в полном беспамятстве, и ни к чему бы не пришёл, пока не возместил своё достоинство и не попробовал заново.

– Так а всё-таки, зачем КНИБ используют именно киберы?

Шарку посмотрел на меня внимательно и загадочно улыбнулся, после чего попросил подождать пять приблизительно минут, пока мы не выйдем на более надежную дорогу, чем залитый морскими волнами утёс.

– Помнишь я тебе про медитацию говорил? А даже если и да, всё равно ты ей не занимался. И даже не говори, что занимался. Здесь существуют свои фокусы.

– Медитация же на то и медитация, что тебя не прервут всякие информационные шумы.

– Не убудет, дело не в титаническом спокойствии. Вот как тебе утверждение, что вселенная с тобой разговаривает?

– Даже если это неправда, то в пределах логики Сторон всё наверняка работает именно так, как.. как песочные часы.

– Ты согласен с тем, что места на Обратной Стороне истинно прекрасны?

– Ни от одного я точно не испытал отвращения.

Шарку одобрительно кивнул.

– Композици мира, особенно при обретении первично-

го опыта пространственного посещения, выражают сильный энергетический импульс. Если же этот импульс направить в правильное русло, а не растрчивать его на повседневность, то можно сотворить суща.

– Сущи – это существующие существа? Достаточно просто усвоить.

– Думаю, что мне не скоро надоест рассказывать новопривышим эльфам о столь обыкновенных понятиях. Знаешь, почему сущ есть?

– Так а кто это?

– Подожди ты. Я говорю, знаешь почему сущ есть?

– Не имею и малейшего представления.

– Киберы где?

– В себе.

– А на сколько в себе?

– Они в себе так, что они в сфере.

– Где располагается эта сфера?

– У них ещё и расположения есть! – я несдержанно выкрикнул несколько нервных смешков, щёлкнув пальцами двух рук. Проговорив поставленный вопрос про себя ещё раз, я попытался достать бесконечную водку, которой не нашлось во дворце памяти. Шарку понял мои намерения, включив на всё царство один хороший латиноамериканский стоунер, от чего в дёснах стало пощёлкивать, а в горле приятно гудеть.

– Ну вот. Тема с виртуальностью, о которой я тебе упомина-

нул. Там и здесь, но одновременно для них, они и невидимы, и они сама наглядная собственная земля, и они между и сразу. Когда ты выйдешь в Себя виртуально, то ты их увидишь собственными глазами. Перед взором твоим, на необъятно-желтеющем небе, будут открыты коммунмаркетполисы. Они есть заводы, торговые ряды и дома для киберов как одни из множеств тотальных шарообразных единиц.

– А сущ?

– У коммунмаркетполисов есть технологии, посредством которых они считывают те импульсы, которые ты в свою очередь получаешь от воздействия пространства на собственную психику. Как ты помнишь, импульсы формируют суща, а сущ, по факту, есть нечто среднее между духом, тульпой и божеством места, который формируется твоими силами при длительной медитации. А дальше интереснее: так как коммунмаркетполис в виртуальности, то и считываемый киберами импульс претворяется на Сторонах как полноценное существо. И чтобы это существо не было претворено в жизнь, киберы используют КНИБ. Он деструктурирует пространственную эстетику, в следствии с чем прекращается сущностное претворение.

– Противостояние магии и технологии, классика.

– Не сказать, что всё настолько просто. Магией, по факту, владеют все, кто так или иначе связан со мной, то есть и киберы в том числе. Другое дело, что киберы хотят создать собственного всеосознанно-конечного человека, или, по их

выражению, “ангела”. Логику понимаешь?

– Отстраниться от Сторон, а стало быть и рода, и в этом отсутствии произвести автономуса.

– Смешное название, куда лучше “посланника”.

– Они “посланником” назвали своего человека, видимо, чтобы эльфов послать куда подальше, – вот и вся библеистика.

– Каламбур – такой себе способ пошутить. Кстати, мы пришли.

До этого момента я, впрочем, – ничего удивительного, вообще не думал о том, что от меня будет требоваться идти в какое-то определённое направление. Мне представлялось, что мы так и будем культурно прогуливаться в пределах моей головы, а дальше – будь что будет. Я мог вернуться на пляж, чтобы с утра посвятить день поимке моллюсков, по крайней мере мой настрой не оставлял этот план, с которым я в своё удовольствие некогда заснул. Или моя воля, во всей своей характерности, пусть снова отправила бы меня в Гиперборейские леса. Да даже начать свой путь с туманностей Кирквуда выглядело для меня органичным разрешением нашей прогулки. Но у Шарку в расчет входило одно неожиданное действие, по факту разрушившее все мои наивные представления.

– Про шляпу помнишь?

– Под ёлкой.

– Отлично. – сказал он, протянув мне в руки голубую уз-

ду. – Бери.

Стоило рукам коснуться данной мне узды, как на мою голову опрокинулась вся тяжесть сознания. Я почувствовал своего рода характерное опьянение, царство памяти начало бесцеремонно рушиться, а я, вместе с ним, стал набирать скорость, как будто что-то высасывало меня отсюда. Я летел с минуту прикованным параличом и ощущал, как моё астральное тело возвращается в пределы вверенной материи, пока узда в моих руках не рассосалась в пространстве, и голова не нашла целостность своего организма. Как всё кончилось я понял, что на этом моя эльфийская инициация окончательно завершилась. Я снова обрёл власть над телом, и потому осознанно обнаружил себя спящим. Я в кресле, слегка трясущимся, и слышу дождеподобный грохот колёсных пар поезда.

Полыхание виртуальных эмульсий

Кленовый эчпочмак

Ну и какими могли быть мои от себя ожидания? Мой “повербанк” разряжен в сопли, зарядный провод на месте похождения самого USB – погнут, телефон – без денег на счету, а wifi в вагоне не раздаётся. Мои ноги в носках и за пределами резиновой обуви, дутая черная куртка лежит на коленях болотных штанов, а между ногами располагается рюкзак.

На улице в ночи метёт снег, окружающие меня пассажиры спят. Дата и время: седьмое января, четыре часа ночи и двадцать восемь минут. Что же в моём рюкзаке: чётки, таро, мобильная игровая приставка образца 2011 года со слетевшей прошивкой, боксёрки с Эриком Картманом, сборник работ Питирима Сорокина в одной книге, тройка пар носков, две футболки, зубная щётка, пачка арахиса на пять сотен грамм, варган, яблоко, титаническая упаковка вишнево-мятного сока, по всей видимости разбавленного джином, доверху заполненная пакетированным мускатным вином (иначе и быть не могло) литровая жестяная фляга, цельный батон белого хлеба и пачка черных семечек с морской солью, а также паспорт, военный билет и ряд карт, скидочных, банковских и проездных.

Стало понятно, что я не возвращался из путешествия, но только и успел в него пуститься, – это я определил по домашнему запаху кондиционера для стирки, который источали мои вещи. Судя по всему, и Москву я покинул меньше пяти часов назад, а значит, если сейчас я направляюсь в Питер, то Тверь уже оставлена позади. Но это если.

Конечно я рад, что не оказался в лесу в момент второго пробуждения. Семь утра, чётко по таймингу проводник ставит в известность: через час грянет финальный, и по сути единственный пункт назначения поезда по выявленному мной маршруту Москва- Казань.

Напала похмельная хандра. Сок с джином был опустошён, хлеб съеден, и, преободлив смолкающие веки глотком вина, я смог подключить наушники во встроенный в приставку плеер. Плейлист в нём не был обновлен как шесть лет, но музыки часа на два хватало.

Навряд ли стоило мне раньше времени включать треклист вперемешку. Виртуальное оказалось к реальному гораздо ближе, чем раньше то мне могло представиться. Я вдруг осознал, что дела с киберами обстоят не на шутку серьёзные: я слушал музыку, которая хранится в чертогах цифровой памяти, а с памятью этой, точно как было недавно во дворце, я взаимодействую в её В Себе внутреннем, в руках владея уздцами её управления; руки мои светились голубой аурой.

Я понял сколь у киберов достаточные технологии, если даже простой механизм воспроизводства звука позволяет

преображать мир музыки из виртуального в реальное, в Это-Стороннее. Только у людей эти механизмы Здесь, у эльфов – на Обратной Стороне, а у киберов – в Виртуальном, с которым именно сейчас я имею дело. Пришлось выключить музыку на третьем треке.

Я ещё раз соотнёс воздушную природу Этой виртуальности с Обратной, элементарно-земляной, стараясь сопоставить принципы реорганизованного уподобления. Разум пытался охватить всё, но неподкованное сознание ударялось во всё больший мистицизм. Мне открылось, и от того не был я в восторге, что Здесь музыка и есть свидетельство существования Обратной стороны, а я, посвященный эльф, своей волей и воссоздаю подземелья из неисчерпаемых виртуальных недр, стоит только добровольно мне принять к восприятию звуки, что найдут во мне отклик. В этой примитивной истине скрывалось не только свидетельство о Сторонах, но и до сих пор находится тайной природа культуры киберов. Сейчас, из виртуальной земли плейлиста в виртуальный воздух, или из варганического исполнения в глубины Обратной Стороны, я свободно и беспрепятственно проистекаю. Но откуда взяться врагам моим? Из шума? Из тишины? Что они есть? Непомерны мои вопросы, необъятны и догадки. Следует поскорее выйти из поезда.

– Громосвет! – окликнул меня у выхода из вокзала незнакомец. Заметив, что я отреагировал на данное мне Шарку

имя, он засеменял в мою сторону. – Надеюсь, что ты не успел пропить все отправленные тебе деньги. Тебе ещё обратный билет брать, помнишь?

– Здравствуй, братец. – Я сделал вид, что помню имя стоящего передо мной худощавого парня двадцати шести лет отроду.

– Точно, откуда тебе вообще что-то знать про меня. Я общался с Шарку, а не с тобой. На почту не заходил?

– Нет, не довелось.

– Это правильно, иначе было всё куда сложнее. Я Март, единственная ярость.

– А, так это был позывной. Громосвет, принц чаек.

– Я чем дольше живу, тем больше с этой именной шизофазии охреневаю. Идём к машине.

– Только за пивом заскочим. И в татмак, раз дело такое.

– Татарстан, конечно, моё почтение.

– В следующий раз к тебе заеду. Планы известны?

– Шарку никаких записок не оставлял.

– Ну так и тем лучше. Мы сейчас машину паркуем, а после идём за выпивкой и на шашлыки.

– Я мяса не ем.

– А оленину?

– Так, а откуда ты знаешь?

– Шарку сказал, что ты её любишь.

– Ну я её ел, но это было на Обратной Стороне и поначалу,

когда я ещё не был уверен, что не сплю, или не нахожусь в бреду.

– А что ты тогда будешь?

– Море лука. Репчатого, красного, да и фасоли консервированной понапокупаем.

– А к рыбе ты как?

– Очень уважаю, Март, тут к бабке не ходи.

И тут Март, услышав мой ответ, включил музыку. Его руки, как и мои в поезде, засияли голубой аурой, его тело стало полупрозрачным, а на голове его произвелась проекция широкополой красной шляпы с конусовидным волшебным навершием. Всматриваясь в неё, в месте, где по её выкройке должна располагаться голова, я увидел воду, а после, с изменившимся ракурсом, узрел и голубые руки Марта, держащего в руках удочку. Сам Март в это время сидел рядом, беззаботно изобретая нараспев песни о рыбалке и рыбах, об обилии водных богатств и лесных красотах, о костре, копчении и уютном ужине, бане и том, как будет здорово после неё прыгнуть в то озеро, из которой он же и выловил ведро вкуснейших пресных рыб. В этом сверхположении он завёл свою Ниву, претворяя в песне автомобильную дорогу как искусную рыбалку, с чем он справлялся идеально. Получилось, что мой полупрозрачный водитель первые двадцать минут просто отсутствовал рядом со мной, и пусть руки его и держали руль, но всем своим сознанием он был там, на Обратной Стороне.

– Мог бы и ко мне заглянуть, одному на рыбалке бывает скучно.

– Март, братец, я не ожидал.

– Тебя Шарку не посвятил в эльфийскую кулинарию?

– Мне просто доводилось Там готовить, если ты об этом.

– Я тоже нахожу забавным, что по большому счёту в Себе делать нечего, ходи себе за черникой и не напрягайся.

Я задумался над сказанным Мартом в тот момент, когда мы въехали в Авиастроительный район, продвигаясь по улице Вересаева все дальше к северной части города, освещенного утренними лучами пробудившегося солнца. На светофоре я открыл бутылку Жигулёвской ипы, утвердив запах трав на салон автомобиля, и за предоставленную мне минуту красного света опустошил её.

– Ты вот сказал, что я мог к тебе присоединиться. Но мы же в Себе, как в Себе может быть чем-то ещё для кого-то?

– Ну смотри, в Себе эльфа – это как лобби, только музыкальное. Я, считай, исполняю одну партию, ты мне вторишь и исполняешь другую, и мы уже вместе. Так и коннектимся.

– Я не умею импровизировать.

– Стесняешься?

– Я скорее даже не знаю как могу органично дополнить чью-то песню.

– Так это не моя песня, то есть это не моё творчество. Это работа, каждый раз приходится что-то придумывать, под

разные ситуации разные исполнения. Иногда котелок не варит, а с саппортом всяким проще.

– Мы типо бойзбенд?

– Да не обязательно. Всё от целей.

– А какие цели могут вообще существовать у бойзбенда?

– Ну представь, попадаем мы куда-то, а нам нужно что-то, что может достать только бойзбенд. Мы и организуем такого рода музыкальную сессию. Дело тут только в том, что всегда можно обойтись другим жанром, или другим исполнением. И вообще, если очень хорошо постараться, в целом можно исполнять одно и то же, сделать так сказать песнь песней, или даже музыку музыки. По факту музыка музыки это и есть род, только выразить его может только он сам, а у нас то и получается, что прыгать.

– Или изучать всё, или углублять познания в чём-то одном.

– Ага. В этих пределах, я думаю, ты догадываешься о том, сколько существует бесполезного.

– Не думаю, что мы можем говорить о музыке и песнях как о чем-то “полезном” по своим функциям.

– Нет, мы же не рассматриваем культуру и её историю. Разнообразие жанров проявляет себя только в различении эстетического, просто когда проблемы можно разрешить одним и тем же методом, то мы уже не рассматриваем эту самую необходимость в разнообразии.

– А давай рассмотрим. Ты знал, что казанская эмо-сцена

одна из самых сильных в Европе?

– А что эльф может получить от эмо-сцены? Блейзер?

– Свободу слова и устойчивый рубль.

Март удивлённо посмотрел на меня, направляя машину во двор. Он достал телефон, уточнил про себя пришедшие за рулём оповещения и потянулся за моим рюкзаком, лежащим на заднем сиденьи.

– Хочешь сказать, что можно рассматривать жанры в зависимости от истории их происхождения?

– Не столько жанры, сколько сцены вообще. Их происхождения определяются формами запросов и обстоятельств, а потому ими можно не только разрешать эльфийские цели, но и обретать желаемое.

– Пространство Обратной Стороны определяется историей потребностей рода... Это ахеренно!

– Ты не думал об этом?

– Мой эльфизм начался с совершенно других ракурсов. Не поверишь, но всё началось с шутки про кленовый эчпочмак.

– Сейчас бы элберетовки к такой красоте, и маринованого лука с апельсинами.

– Ну вот, эльфизм мой действительно начался с кухни. Причастие к пространству для меня всегда считалось тем более волшебным, чем изобразительное искусство. Ты же знаешь, что проклят тот лев, что пожрал человека?

– И блажен тот лев, которого съел человек.

Мы остановились у входа в подъезд, чтобы Март произвёл звонок по телефону, но уже как пятую минуту он не мог набрать нужного номера. Тогда я открыл ещё бутылку пива; по негласному соглашению мы продолжали стоять до момента, пока я её не допью.

– Ты про блейзер поэтому упомянул не в шутку? – решив продолжить тему спросил я. – Чтобы пожрать культуру?

– Наверное. Но я бы сказал скорее, что только теперь я более осознаю то, какую аферу можно повернуть: с помощью эльфизма достать нужную еду, чтобы сопричаститься с пространством, откуда эта еда была явлена, а потому значит, что и со временем, в котором это пространство возникло. Полезность – неизмерима, особенно в противостоянии киберам.

– Так а зачем нам им противостоять?

– Ну... Мы эльфы?

– А нам они на что? Я думал, что они просто есть, никак нас не трогают, просто не любят.

– Давай сейчас поднимемся, а после обговорим эту тему?

– Хозяин-барин.

Мускатное варенье

– Здорова, грибы! Идём комбучить киберов!

У порога на третьем этаже нас встретил ровесник Марта, с которым мы обменялись рукопожатиями.

– Мы как раз с Громосветом сейчас стали обсуждать за комбучу. Громосвет, знакомься, это Ый, бесподобное зазеркалье. Ый, о Громосвете ты предупреждён.

– Твоё имя тебе тоже дано с подсознания? – спросил я, переступая порог дома, оставив Марта позади себя.

– Я сам дал себе имя, и именем же наделил собственную волю. Проходи на кухню.

– Ый, – обратился Март, снимая обувь, – Когда мы в лес пойдём? Я есть хочу.

– А вы всё что нужно купили?

– Нет, зачем, без тебя не было и смысла.

– Ну сейчас тогда, давайте кофе попьем. Минут через двадцать отправимся.

Ый зашел на территорию собственной кухни, застав меня набирающим в чайник отфильтрованную воду. Я попросил тарелку для семечек, после чего сел за стол, не без интереса наблюдая за организованной суетой у стола. В один из таких моментов Ый поставил на стол стеклянную банку, раскрашенную в чёрный цвет.

– Моё авторское. Возьми ложечку, много не ешь. Это му-

скатное варенье.

– Мускатное – это виноградное?

– Нет, ореховое.

– Очень своеобразный рецепт, – из соседней комнаты раздался голос Марта. – Расскажи Громосвету, это бомба.

– А что может быть там такого кроме сахара и орехов?

– Но-но. Сначала берёшь берёзовый сок. Соответственно, он или магазинный, или добываешь самостоятельно. Если самостоятельно, то можешь купить мёда, а если магазинный, то он уже с сахаром. Ставишь сок на плиту, добавляешь туда мухоморов, ясное дело – сушеных, и делаешь из них глинтвейн. Тут дальше полученную жидкость фильтруешь и ставишь бродить. Как выбродит – уже считай пей, или организовывай ход конём: добавь ещё сахара, мёда, как угодно, и мускатных орехов. Не советую увеличивать их концентрацию, тут у меня на баночку ноль пять выходит по три – четыре ореха. Я обычно его с чаем пью: кинешь пару таких ложечек на три литра, туда ещё до четырёх пакетиков зелёного чая, и бегом комбучить.

– Мы снова возвращаемся к исходной теме.

Ый поместил полторы ложки кофе в турку объемом в семьсот миллилитров, залив её готовым кипятком из чайника, после чего включил саму плиту. Он сел ближе ко мне, крикнув Марту, чтобы тот приходил на кухню и нашел себе чашку. Затем он взял ложку мускатного варенья, достал из под стола готовый сбитень и корицу, поместив указанные

ингредиенты в литровую кружку в разбавив остатками кипятка и холодной водой из фильтра.

– Киберы не любят грибы.

Воцарилось десятисекундное молчание, в котором я не был намерен прервать повествование Ыя. К моему удивлению, Ый и не собирался продолжать.

– То есть у нас с киберами противостояние, потому что они не любят грибы?

– Ага. – равнодушно завершил Ый.

– А мы тут каким боком?

– Ты разве не знал, что ты есть гриб?

– Лол, нет.

– Теперь знаешь.

Ко столу подошел Март, передав мне вилку с проводом для зарядки.

– Так, а можно подробнее?

– У нас есть Единая Грибница, – начал Март, избавив Ыя от необходимости участвовать в ликбезе. – и тебе должен был упомянуть Шарку, что принципы работы Обратной Стороны напоминают плесень.

– Да мне откуда знать было, что это не аллегория?

– А это и аллегория, но киберы находят её самой обыкновенной констатацией.

– Только потому что они так считают, то и проявляют к нам агрессию?

– Тебе не объяснили и того, – вмешался Ый. – что киберы в сфере?

– Я, если честно, не очень помню.

– Это догма, от этого не деться. У них всё, что они высказывают, уже настолько сильно разграничено, что каждое слово – утверждение и закон. А мы же, сколь разными бы ни были, черпаем свою силу из единого центра знаний, составляющих и силу Обратной Стороны. Не забывай, что символы на ней работают прежде всего как действительность. Тут уже не важно кто сделал нас грибами в самом начале, так как сейчас это простой факт.

Стало понятно, что Ый добавил в варенье мухоморы не просто так. Эти двое изучили принципы эльфийской кулинарии куда серьезнее, чем то вообще можно было представить в такой незамысловатой области исследований. Мой кофе к концу разговора как раз был налит в кружку, поэтому я последовал наставлению Ыя и добавил одну ложку его варенья, которую с собственной инициативы назвал “цверна”. Однозначно могу сказать, что цверна – это самый символ из символов эльфийского противостояния вообще всей современности, и что заложено его силой на Обратной Стороне, если это не сама Сторона, мне не представлялось. Кажется, что это варенье есть портал для профанических образов, к которому и следует относиться как к обыкновенному десерту, но что за таинственные лица скрыты в его берёзовых глубинах, кто смотрит с остатков его куркумной бороды, неиз-

вестен мне гнозис его голубых свастика.

Оказалось, что попасть на Обратную Сторону слишком просто, даже не смешно. Стоило мне только встать на ноги и как следует прийти в себя, как я уже сижу в машине и слушаю KG&LW. Пуф, и вся наша партия приключенцев не здесь. Шашлыки, ну конечно, что же с шашлыками? Да вот, перед нами вдоль тянется река, кругом – леса, мы стоим на тридцатиметровом обрыве, травушка щекочет ноги, вот и мангал с решетками, а позади нас всё такой же гармонизирующий зелёный лес. Нет, джунгли, но очень дружелюбные. И ещё березовая роща, осенняя. И поляна из поздних одуванчиков. Кто во что горазд, так и пел, так и подыгрывал, так и стучал.

По всей видимости так и оказалось, что ни на какую зимнюю природу мы и не собирались ехать изначально. Нива Марта была модернизирована таким образом, чтобы каждый из нас мог свободно перемещаться по салону, а также беспрепятственно обращаться к содержимому багажника, поэтому всё купленное мы везли с собой, катаясь по городу, в это же время находясь на Обратной Стороне. Как было поведено за распитием утреннего кофе, с меня требовалось немного: импровизировать, поддерживая коннект партии в стабильном состоянии, то есть быть медиатором нашего сейшена. Но вот спросить о том, сколь долго с меня это потребуется – тут уж, видимо, не хватило мне концентрации, или обыкновенной сообразительности.

– Громосвет, поднажми жесткого бибиэма, они приближаются!

– Да ну! Не прошло и часа!

Я продолжал сидеть на единственном заднем сиденье и контролировать текущий плейлист, огибая все возможные шероховатости, и только вскользь смог поглядеть на передние места. Там, пока Март уже вовсю переворачивал решётки с мясом и помешивал жарящийся лук, а Ый сидел на растилающемся фиолетово-зелёном пледе и в своё удовольствие пил крафтовый томатный лагер, на горизонте, планете подобной, восставало красное пятно.

– Тут нет горизонта, помнишь?! – прокричал мне Март сквозь грохот The Malboro Men из колонок. – Есть только земля, и как только земля соединяется с небом, там, вдалеке, и есть дом виртуальности.

Я учёл его коррективы. Хорошо, из под земли, там, где кончается дальнзоркость моего взгляда, за скрытыми лесными массивами, восставало из виртуального порождение кибергнозиса.

– Ну, понеслось. – Сказал Ый, поднимаясь с бутылкой пива в сторону мангала. – Продолжай смотреть в горизонт, Громосвет, не упускай коммунмаркетполис из виду.

– Он может исчезнуть?!

– Только из нашего вида, мы-то давно привлекли его внимание. Этих лядских киберов больше обычного! Март!

Март, сука! Откуда у нас в Казани столько анкаперов?!? – Ый запихнул небольшой кусок мяса себе в рот, после чего взял малосольный огурчик и направился через весь салон к складу в багажник. Оттуда, из под обоза на примятой траве, он достал, по всей видимости, антинекроастротроп, так как видеть я этого в тот момент однозначно не мог. – Я сейчас им, гадам, покажу! Громосвет!

– А?!

– Громосвет! Загадку хочешь?!?

– Попробую!

– Отлично! Есть такое мнение, слышал я его от одного учёного, мобильность ещё изучает, что тот, кто владеет будущим – управляет настоящим! Как тебе?!

– А в чём загадка?!?

– Он, вроде, американец! У них есть несколько времён! – Ый встал на краю обрыва и развернул в руках антинекроастротроп. – Включая и времена будущие! Это ещё в начале проходят! Как думаешь, о каком “future” говорил этот хрен?!?

– Обо всех трёх! – услышал я ответ Марта.

– Нет, нихрена! Ни о каком будущем он не говорил! В этом вся соль!

– Хреновая загадка!

– Сделай музю погромче, сейчас интереснее! ВОООО!!! Я ГОВОРЮ, ЧТО ОН БУДУЩЕЕ ВЗЯЛ КАК МИФ! ТИ-ПО БУДУЩЕГО СЕЙЧАС НЕТ, НО ОНО ПОТОМ, И ВОТ

ОНО УЖЕ, И ТЫ ТАКОЙ ВААААУ! – басы в колонках были выкручены практически до упора, машина ехала порядка девяноста километров в час, двигаясь уже давно за чертой города. – ВОТ! БУДУЩЕЕ У НЕГО НИХРЕНА НЕ БУДУЩЕЕ! У НЕГО ЕГО НЕТ! ОН ТУПО ГОВОРИЛ, ЧТО КТО ВЛАДЕЕТ МИФОМ, ТОТ И ВЛАДЕЕТ НАСТОЯЩИМ! ЗАЦЕНИ!

Бй вознёс собственную руку над пустующим под его ногами пространством обрыва, из ниоткуда выхватив жезл, после чего плавным движением руки стал чертить им в воздухе некоторую схему, в пространстве расставляя акценты того, где именно острие жезла должно быть остановлено; было похоже, что чертит он нечто схожее с восьмиугольной звездой. Интереснее было то, что всякий раз, как острие жезла опускалось ниже земли, а после возносилось в поле видимости, оно вбирало в себя некоторую пламенную эмульсию, как перо, которое вбирает в себя чернила. Этим пламенным огнём и светилось начертаемое, и видел я где точки были жирнее, где линии были тоньше, где завершался ход рисунка.

– Всегда завораживает. – сказал Март, подошедший ко мне сзади, держа в руках тарелку с прожаренным луком и вилкой, которую тот мне протянул. – Обрывы – одни из лучших мест для комбучи. Выглядят они эффектнее.

Пламя воцарилось пурпурным огненным шаром перед Ёем, который вернул себе в рот взятый огурец, после чего снова потянулся через весь салон в багажник, откуда достал

пиво. Щёлкнув банкой, шар полетел в сторону нарастающего коммунмаркетполиса, уже полностью вышедшего из виртуальных недр плоской Стороны. Открытая банка была отдана мне, я с превеликим удовольствием возложил себе деревянную вилку с яблочным луком себе в рот, и на первом глотке летящий шар Ыя преобразился в крылатого чёрного гада, расправившего свои пиксельные крылья и разверзнув пасть.

– ПОВОРАЧИВАЙ НАЗАД! – выкрикнул Ый Марту, перебивая гремящий дисторшн. – ИНАЧЕ ИНЕТ ПРОПАДЁТ!

– А НАХРЕНА НАМ ИНТЕРНЕТ?!? ОНИ УЖЕ И БЕЗ НЕГО НАС ВИДЯТ!

– НУ ТАК МУЗЫКА-ТО!

Подул тёплый ветер, когда я отвернулся от обрыва и пошёл чистить вяленого леща. Однако ветер усилился и невидимый источник света иссякся, а голубое небо вмиг стало желтеть. С желтеющим небом цвета пространства становились вычурнее и единообразнее, перетекая в свои кислотные формы, и вот, спустя тройку минут, всё пространство стало кислым и бушующим, от чего пришлось леща взять с собой и чистить его на обрыве.

– ГРОМОСВЕТ! МЫ ИХ ЗАПЕРЛИ! ИМ НИКТО НЕ ПРИДЁТ НА ПОМОЩЬ! МЕНЯЙ СЕЙШН! ТОЛЬКО СДЕЛАЙ РЕЗКИЙ ПЕРЕХОД! И БЕЗ СЛОВ!

Мои пальцы впопыхах пролистали рекомендации; я разумом поглощал обложки с ассоциативной скоростью анализи-

руя то, что покажется мне наиболее контрастным в актуальном положении. Забавно, но самым подходящим из предложенного оказался Peste Noire.

В пределах ангельского кода

На раскалённой сковороде бытия лежит сахарный человек, карамелизируется. Это – символ текущего здесь..

Почему мы здесь? Зачем? Нас не любят? Мы грибы? Типо... Типо чё... Типо нахрена... Типо, – ну зачем мы тут?

– Громосвет... Вставай, Громосвет... Громо! На кой ты тут разлэгся?!?

И пусть себе кричит. Если это то, что и есть коммунмаркетполис, тогда я тут причём... Сидел на шашлыках... норм было.

– Пиво будешь?!?

А как же нет, буду, – мы знаем, что мы знаем это. Значит что? Значит, что нужно больше констатаций, чтобы меньше свободы было.

– МАРТ, НЕСИ ПИВО!

– ГРОМОЗДЕЦ, ПЕЙ!..ГРОМ, НУ КАК?!?

– Полегчало... – Я поднял свой взгляд на пыхтящего БЯ, нависающего надо мной сверкающе-бледной, точно снег, головой, что на контрасте с его яркой красной шляпой не давало мне за доступные секунды своевременно осмотреться. – Мы где?

– В КОММУНМАРКЕТПОЛИСЕ!!!

– А Март где?

– ТАМ!!!

Март действительно стоял там, посреди холла, мощенного в фиолетовую прямоугольную плитку метр на два.

– Встал?!

– Да.

– Хорош. Сейчас самое интересное.

А что интересное? Рельсовые коридоры? Кислые холлы? Следует ещё выпить.

– Мы где?

– ПОВОРАЧИВАЙ!!! НУ, аккуратнее, ну... Мы почти дома.

– Я вижу, что улицы знакомые. А здесь мы где?

– Громо, не смей даже там думать. Думай только здесь. ТАМ – их сила. Ты уже нас сделал там, и хорошо. Оставляй треклист, сейчас до дома доберёмся.

– А шашлыки?

– Забираем с собой.

Уже хорошо; но меня не отпускало. За бессмысленностью обыденных треков впервые за долгое время я почувствовал то самое причастие к тому авторскому слогу, что чувствовал лишь единожды в определённых годах. А какая бессмысленность сейчас?, – нет её.

– Парни, ну что, это было суперово!

– Да. Жаль, что тебя так вырубил с КМП, Громо, не устояли твои ноги.

– Не к году перья. Какие дальнейшие планы?

– День-другой у нас, потом обратно в Мск.

– Меня тошнит...

– Давай не робей, Гром, в таких обстоятельствах и не так укачает.

– Теперь-то хоть можно включить телефон?

– Теперь можно!

Минут с десять мне доводилось только и перезагружать своё сенсорное чудо, покуда я в окончании не выключился из жизни. Без двадцати пять, – что же, шашлыки удались на славу. Сладких снов.

Кедр отошёл от клавиатуры, обнюхивая запотевшие ладони, что переняли запах резины проводной мышки. Он всегда был скрыт, и никому не хотелось копать глубже того, что было известно всем остальным. И вот СМС в телефоне: “Абонент Шарку снова в сети”.

Он помыл руки, прошел на кухню и заварил чагу, параллельно очистив апельсин от кожуры. Залив кипятком нервы он утомил собственную тревогу и с благостью в сердце прошел на балкон: в его дворе, напротив его окна никто не стоял, лишь снег плавно падал на январские улицы. Последние минуты и так редко настаивающего покоя подходили к концу.

Возвращаясь на кухню чтобы помыть кружку его только успокоившийся разум взбунтовался в момент, увидев, как со всей строгостью в невидимых лицах оставляются конденсатные надписи характерного матерного содержания на пласти-

– Кедр, мы тогда связь потеряли, все оффлайн ушли!

– А они типо нет?!?

– Да

– Да, в этом и суть!

– И чё они? запись осталась?

– Нет, кмп-то нашего нет

Кедр не дождался последующих ответов и свернул клановый чат. Несколько щелчков мыши: турбославская руна пуста, процент побед обнулён, клановые инвесторы кинуты, коммунмаркетполис терпит кризис, онлайн снижается.

– Как это произошло?

– Мы вышли на вызов, одни и те же эльфы к часу точно находились на сервере, их никто брать не хотел. Мы и думаем, что предложение нормальное, всего три эльфа, за раз поднять винрейт против таких дело угодное.

– Смурфы?

– Не, двое точно проверенных, со статитсикой; один пустой, но он и не делал по большому счёту ничего.

– И чё?

– Ну мы и подключаемся, кидаем инвайты другим кмп чтобы те хотя бы заценили, ну и нас переключает на локалку.

– Да, они взяли и сами исчезли. Мы думаем что нормально всё, просто слетело подключение с ними и перебросило как на победу, шарись.

– Мы ещё думаем, что ну ладно, пора выходить. Да только выйти не давало, там даже когда пк перезагружаешь всё

равно возвращает на предыдущий экран. А дальше всё само собой.

– Да, я ещё остался помониторить чтобы всё ок было пока там один подключится другой, да только не могли они, так как сети не было почему-то. Мы разорвались. А потом у всех показало, как более мы не можем ничего сделать, обнулив всё к чертям.

Кедр окончательно закрыл чат. Он проверил баланс на своих картах, перевёл с интернет-кошелька двадцать долларов, сходил в магазин за четырнадцатью энергетиками и все ближайшие сутки до повторного захода Солнца он отстаивал свободный мир ангельского кода, возвращая себе украденные эльфами деньги. Ему не стоило держаться за павший полис, отныне он – наёмник. И пройдёт не один день, и неединожды будет преумножаема его слава.